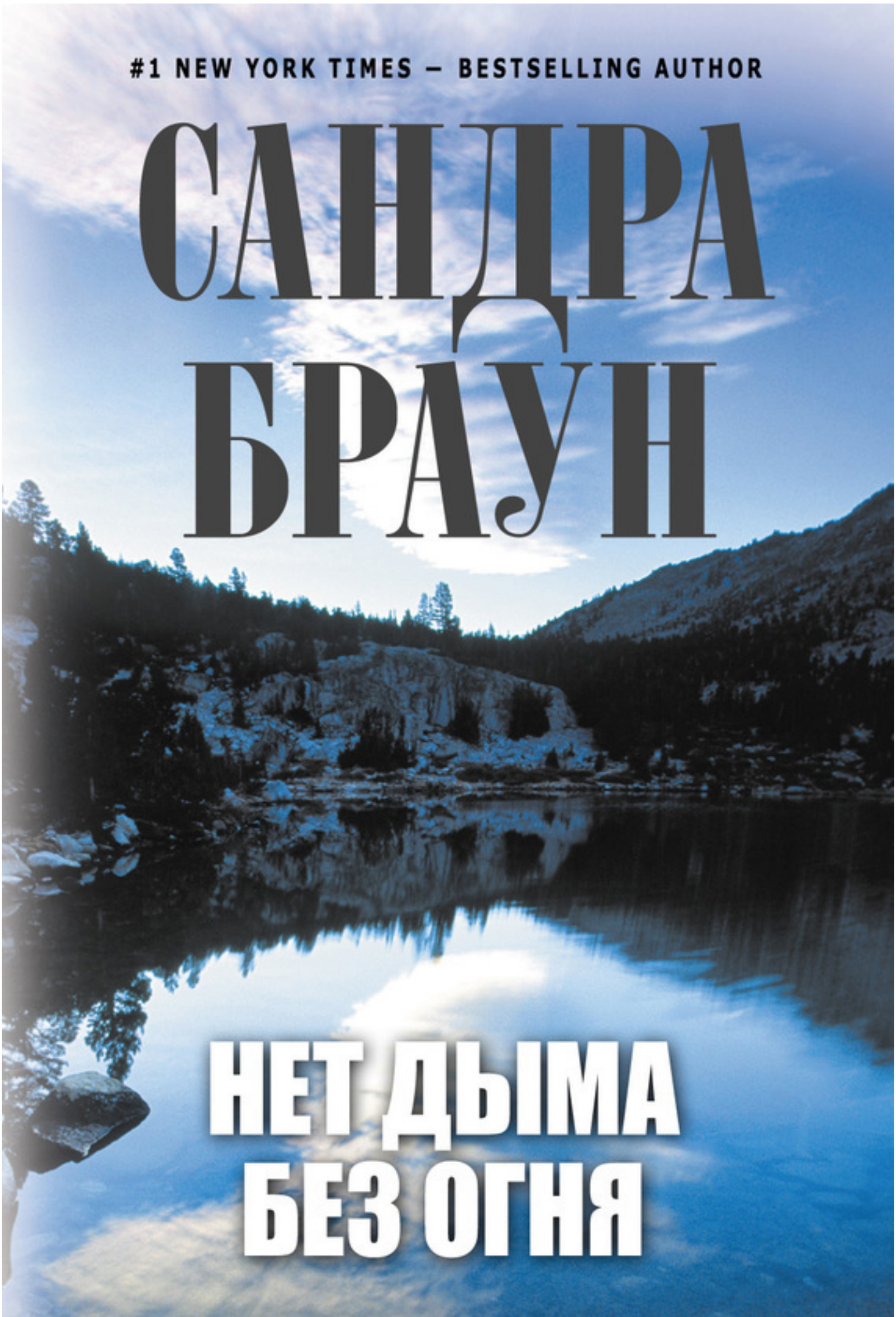
#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

САНДРА БРАУН



НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ

Сандра Браун

Нет дыма без огня

«Эксмо»

1993

Браун С.

Нет дыма без огня / С. Браун — «Эксмо», 1993

Вернувшись домой в маленький городок в Техасе, Кей Такетт неожиданно встречает женщину, которая, как все считают, погубила его брата. У Лауры Маллори в жизни осталась только одна цель и единственная надежда – что Кей поможет ее осуществить. Потерявший голову от любви, он не может противиться чарам этой соблазнительницы и даже готов рискнуть ради нее жизнью. Но все оказывается совсем не так, как кажется на первый взгляд, – за достоинством и преданностью скрываются предательство и ложь, а искренняя и преданная любовь вынуждена прятаться под маской порока.

© Браун С., 1993
© Эксмо, 1993

Содержание

1 6
2 16
3 25
4 35
5 44
6 51
7 61
8 69
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Сандра Браун
Нет дыма без огня

Sandra Brown
WHERE THERE'S SMOKE
Copyright © By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc.
And Prava i Perevodi. Translated from the English
Where There's Smoke

© 1993 by Sandra Brown Management, Ltd. First published in the United States by Warner Books, New York.

© Питерская Э., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

1

Он никогда не испытывал особой любви к кошкам. А женщина рядом с ним вела себя совсем как они, только что не мурлыкала. Ее тело было полно кошачьей вероломной грации. Узкие, приподнятые к вискам глаза отливали зеленью, плавные чувственные движения будоражили воображение. Такие, как она, не ходят, а шествуют, продумывая каждый шаг заранее. Похоже, у нее и впрямь за долгое время странствий по чужим постелям выработалась особая манера поведения, чуть ли не мгновенно распаляющая мужчину. Она потягивалась и терлась о него, разметав рыжую гриву по плечам в угаре страсти, а в момент кульминации визжала и царапала плечи партнера ногтями.

Кошки казались ему скрытными и коварными – ненадежное племя. Он боялся поворачиваться к ним спиной.

– Ну как я тебе понравилась? – Голос ее, страстный и жаркий, обволакивал, как душная ночь за опущенными шторами.

– А что – разве я жалуюсь?

Кей Такетт терпеть не мог подобных вопросов. Если ты доволен, то к чему пустая болтовня? Если нет, то тем более следует помолчать.

Женщина сочла его двусмысленный ответ за комплимент и соскользнула с кровати. Обнаженная, она направилась к заставленному флаконами и баночками с кремами туалетному столику. Немного постояв, демонстрируя свое роскошное тело, она зажгла сигарету дорогой, украшенной камнями зажигалкой.

– Хочешь закурить?

– Нет, спасибо.

– А выпить?

– Пожалуй. Если есть что под рукой.

Отчаянно скучая, Кей смотрел на хрустальную люстру на потолке. Безвкусица и уродство! Слишком громоздко для спальни, даже когда часть лампочек еле светится за хрустальными подвесками. Ярко-розовый ковер в той же степени безобразный, что и передвижной, украшенный бронзой бар, уставленный замысловатыми хрустальными графинами, довершал пошловатый интерьер. Она налила ему виски.

– Куда тебе торопиться? – Женщина улыбнулась. – Муж уехал в другой город, а дочь ночует у друзей.

– Какого пола, мужского или женского?

– Женского. Ради бога, ей только шестнадцать.

Неблагородно говорить ей, что сама она задолго до этого возраста приобрела репутацию легкодоступной особы. Но Такетт промолчал, скорее из равнодушия.

– У нас впереди целая ночь. – Она подала ему стакан, села рядом, прижимаясь бедром к его бедру.

Кей поднял голову с подушки в шелковой наволочке и отпил неразбавленного виски.

– Мне надо двигаться. Я вернулся в город уже… – он посмотрел на свои часы, – уже три с половиной часа назад, а еще не переступал порога родного дома.

– Ты же сказал, что они не ждут тебя сегодня.

– Верно, но я обещал прежде всего появиться дома.

Она накрутила на палец прядь его темных волос.

– Но ты же не рассчитывал на столь приятную встречу «Под пальмой», а это в корне меняет дело, не так ли, дорогой?

Он допил виски и сунул ей в руки пустой стакан.

– Интересно, почему это заведение называется «Под пальмой»? Тут не сыщешь ни одной пальмы на триста миль вокруг. Ты часто там бываешь?

– Достаточно часто, – произнесла она, хитро улыбаясь.

– Когда мужа нет в городе? – с усмешкой поинтересовался Кей.

– И еще когда тоска и одиночество становятся невыносимыми, а это случается почти каждый день. В баре «Под пальмой» всегда можно найти интересную компанию.

Такетт взглянул на ее пышный бюст.

– Это точно. Не сомневаюсь, что ты цепляешься там за любого, был бы мужского пола, и любезничаешь, пока у него не встанет.

– А ты неплохо меня изучил. – С грудным смехом она потянулась к нему, чтобы коснуться его рта влажными губами.

Он отвернулся.

– Брось! Я тебя совсем не знаю.

– Это неправда, Кей Такетт. – Она выпрямилась с обиженным видом. – Мы учились в одной школе.

– Я со многими учился в школе. Но это не значит, что я знаю всех до единого, да еще и неплохо.

– Но ты со мной целовался.

– Врешь! – Он позабыл об учтивости. – Я не люблю стоять в очереди, так что меня никогда не было среди твоих поклонников.

В ее прищуренных глазах блеснула злоба, которая, впрочем, тут же погасла. В одно мгновение женщина, так напоминавшая ему кошку, спрятала выпущенные коготки.

– Ты прав, мы с тобой не встречались, – промурлыкала она. – Но однажды, когда победили ребят из Глейдуотера, ты вместе со всей нашей футбольной командой шел с поля в раздевалку. А мы с подругами, да вообще все в Иден-Пасс, выстроились на пути, чтобы вас приветствовать. Ты, – продолжала она, впившись при этом ногтями в его обнаженную грудь, – ты был самым лучшим из игроков. Твоя грязная майка взмокла от пота, и, конечно, все девочки считали тебя самым красивым. Думаю, ты сам тоже так думал.

Она остановилась, ожидая, что он скажет, но Кей остался совершенно равнодушным к ее рассказу. Он помнил множество подобных дней, таких, как она только что описала. Страх перед началом игры и ликование после победы. Завораживающее пространство стадиона. Звуки марширующего оркестра. Запах свежего попкорна. Громкие крики группы поддержки.

Бушующие трибуны.

И Джоди, ее голос, подбадривающий его громче всех.

Как давно это было.

– Когда ты шел мимо меня, – продолжала она, – ты схватил меня за талию, приподнял с земли, прижал к себе и поцеловал прямо в губы. Да еще как! Как настоящий победитель.

– Неужели? Ты точно помнишь?

– Еще бы. Я просто обалдела. – Она склонилась над ним, касаясь сосками его груди. – Долго же мне пришлось ждать, прежде чем ты закончишь начатое дело.

– Что ж, счастлив услужить. – Он похлопал ее по ягодицам и сел на кровати. – Мне пора.

Кей протянул руку и вытащил свои джинсы из-за ее спины.

– Ты действительно уходишь? – удивилась она.

– Да.

Нахмурившись, женщина загасила сигарету в пепельнице на ночном столике.

– Ах ты, дрянь, – пробормотала она. Но, явно решив удержать его во что бы то ни стало, соскочила с кровати и вырвала у него из рук джинсы прежде, чем он успел натянуть их. Соблазняя, она прижалась к его бедрам. – Уже поздно, Кей. У мамочки дома все уже крепко спят. Оставайся со мной. – Она засунула руку ему между ног и начала его ласкать, дерзко и умело,

глядя прямо в лицо. – Считай, что ты ничего не знаешь, если не пробовал одно из моих утренних фирменных блюд.

Кей насмешливо скривил губы.

– Ты подаешь его прямо в постель?

– Вот именно. И со всеми приправами. Я даже… – Она вдруг смолкла, прислушиваясь, и пальцы ее невольно сжались, заставив его сморщиться от боли.

– Поосторожней. Это мой капитал.

– Тише! – Отпустив его, она на цыпочках подбежала к открытой двери спальни.

Снаружи раздался мужской голос:

– Это я, крошка.

– Черт возьми! – Она резко обернулась. Ничто в ней не напоминало недавнюю томную соблазнительницу. – Тебе надо убираться отсюда, – прошипела она. – И поскорей!

Кей уже натянул джинсы и, согнувшись, шарил по полу, разыскивая ботинки.

– Ты думаешь, мне это удастся? – прошептал он.

– Крошка, ты где? – Кей услыхал шаги внизу, на мраморных плитах прихожей, затем на покрытой ковром лестнице. – Я сегодня рано освободился и решил вернуться домой вечером, не дожидаясь утра.

Отчаянно размахивая руками, женщина показывала Кею на стеклянную дверь балкона. Кей сгреб в охапку ботинки и рубашку, рывком отворил дверь и выскользнул наружу. И только тогда вспомнил, что спальня находится на втором этаже. Перегнувшись через кованую решетку, он взглянул вниз и понял, что отсюда не так-то просто выбраться.

Тихо чертыхаясь, он перебрал в уме возможные решения. Впрочем, стоит ли задумываться? Кей Такетт бывал и не в таких переделках. Тайфуны, перестрелки, землетрясения, события, ниспосланные божьей волей или безумием человека, – все уже происходило в жизни. Тем более неожиданное появление мужа совсем уж для него не в новинку. Придется рисковать и надеяться на лучшее.

Он быстро повернул обратно, но застыл на пороге балконной двери. Картина и впрямь была впечатляющая. Его красотка лежала на кровати, одной рукой подтянув к подбородку атласную простыню. В другой она сжимала пистолет и целилась прямо в него.

– Ты что, рехнулась?

Она оглушила его пронзительным воплем. Мгновением позже звук выстрела разорвал ему барабанные перепонки. Сердце изо всех сил заколотилось в груди, и Кей не сразу понял, что ранен. Он взглянул на рану в левом боку, затем неверящими глазами вновь посмотрел на женщину.

Топот ног теперь доносился из коридора.

– Крошка!

Она снова издала вопль, заставлявший кровь стыть в жилах, и прицелилась.

Очнувшись от забытья, Кей резко повернул назад как раз в тот момент, когда прозвучал второй выстрел. Ему показалось, что на этот раз она промахнулась, но у него не было времени разбираться. Швырнув ботинки и рубашку вниз, он перебросил через перила сначала правую, а затем левую ногу, секунду побалансировал на узком внешнем уступе и прыгнул в темноту.

Удар от приземления пришелся на правую ногу. Боль устремилась вверх, пронзила голень, бедро, вошла в пах и отдалась под ложечкой; у Кея перехватило дыхание. Ничего не видя перед собой, он ловил ртом воздух, сдерживая рвоту, стараясь не потерять сознание. Потом, подхватив вещи, что было мочи пустился бегом.

Лаура вздрогнула, услыхав сильный стук в заднюю дверь.

Она смотрела старый душещипательный фильм с Бетт Дейвис и была так увлечена этим, что решила, будто ей показалось. Но все же, приглушив звук, прислушалась. Стук раздался

снова, еще более настойчивый и нетерпеливый. Отбросив плед, покрывавший ноги, она с неохотой оставила уютный диван и поспешила к дверям, зажигая по пути свет.

В задней комнате сквозь полуприкрытые жалюзи она увидела силуэт человека. Лаура с опаской подошла поближе к стеклянной двери и посмотрела в щелку.

В ярком свете фонаря лицо стоявшего на веранде мужчины казалось восково-бледным и напряженным. Подбородок покрывала однодневная щетина. Несколько прядей непокорных темных волос прилипли к потному лбу.

– Это вы, док? – Мужчина принялся вновь барабанить по двери кулаком. – Откройте! Я вам тут испачкал всю веранду. – Он вытер лоб тыльной стороной руки, и Лаура увидела на ней кровь.

Позабыв об осторожности, она отключила охранную сигнализацию и отперла дверь. Как только дверь отворилась, человек, спотыкаясь, ввалился в комнату: он был босиком.

– Долго же пришлось ждать, – пробормотал он. – Но вам это прощается, если вы по-прежнему держите в шкафу бутылку «Джек Дэниэлс».

Он, не раздумывая, направился к белому металлическому шкафу для лекарств и нагнулся, чтобы выдвинуть нижний ящик.

– Там нет виски.

При звуке ее голоса мужчина резко обернулся. Несколько секунд он в изумлении смотрел на нее. В нем было что-то животное, что одновременно и привлекало, и отталкивало, и, хотя Лаура привыкла к запаху свежей крови, запах его крови показался ей особенно сильным.

Ей отчего-то захотелось отступить назад, не то чтобы она испугалась, но чувствовала себя крайне неуютно. И все же Лаура осталась на месте, выдерживая его недоверчивый, враждебный взгляд.

– Кто вы, черт побери? Где доктор? – Он сердито хмурился, прижимая к боку окровавленную полу расстегнутой рубашки.

– Вам лучше сесть. Вы ранены.

– Нет уж, дамочка. Где доктор?

– Наверное, спокойно спит в своем рыбачьем домике на озере. Он оставил практику и выехал отсюда уже несколько месяцев назад.

Незнакомец с ненавистью посмотрел на нее. Потом со злобой бросил:

– Прекрасно! Только этого не хватало.

Он бормотал ругательства, поглаживая пальцами волосы. Затем сделал пару неверных шагов к двери, но не выдержал и привалился к операционному столу.

Лаура невольно поспешила к нему на помощь. Он отвел ее руку, но по-прежнему опирался на стол. Тяжело дыша и морщась от боли, мужчина попросил:

– Дайте мне немного виски.

– Что случилось?

– Какое вам дело?

– Я не просто переехала в дом доктора Паттона. Я теперь практикую вместо него.

Незнакомец был явно удивлен.

– Вы доктор?

Лаура кивнула.

– Что б мне провалиться… – Он медленно обвел ее всю взглядом. – В таком облачении вы произведете фурор среди больных, – заметил он. – Это что – последний крик моды для женщин-врачей?

Одетая в лосины и белую рубашку, доходившую до колен, она и вправду не очень походила на сурового последователя Гиппократа. Тем не менее Лаура с достоинством пояснила:

– Обычно ночью я не надеваю халата. Это нерабочее время, но я дипломированный врач, поэтому забудьте о моей одежде и позвольте осмотреть вашу рану. Так что же все-таки произошло?

– Несчастный случай.

Снимая с неожиданного пациента рубашку, она заметила, что у него расстегнут ремень и часть пуговиц на ширинке. Лаура отвела его запачканную кровью руку от раны в боку.

– Это пулевое ранение!

– Да нет. Я же вам сказал, что это несчастный случай.

Он явно лгал, что, видимо, делал часто и без угрызений совести.

– Какого рода?

– Я упал на вилы. – Ему было явно безразлично, поверит она или нет. – Почистите рану, заклейте пластырем, раз уж вы врач, и дело с концом, завтра я буду как новенький.

Она выпрямилась и без улыбки посмотрела на его ухмыляющееся лицо.

– Прекратите паясничать. Я знаю, как выглядит огнестрельная рана, – произнесла она. – Вам лучше всего обратиться в окружную больницу. – Повернувшись к нему спиной, Лаура принялась нажимать кнопки на телефонном аппарате. – Я позабочусь о вас до приезда «Скорой помощи». Прошу вас лечь. Как только дозвонюсь, постараюсь остановить кровотечение. Алло, – проговорила она, когда на другом конце провода сняли трубку. – Это доктор Маллори из Иден-Пасс. У меня больной, нуждающийся в неотложной…

Его рука легла на рычаг. Она встревоженно оглянулась.

– Не поеду я ни в какую такую больницу, – отрезал он. – Не нужно мне никакой «Скорой помощи». Это пустяки. Вы поняли, что я говорю? Пустяки! Остановите кровотечение, перевяжите рану, и все тут. Так как насчет виски? – спросил он уже в третий раз.

Не обращая внимания на его слова, Лаура опять попыталась позвонить в больницу, но не успела до конца набрать номер, как он выхватил у нее трубку и вырвал провод из аппарата.

Она повернулась к нему, собираясь дать волю своему гневу, и впервые с тех пор, как впустила незнакомца в дом, почувствовала страх. Даже в этом небольшом техасском городке нередки случаи наркомании. Вскоре после приезда Лаура установила в доме сигнализацию, чтобы предотвратить кражу лекарств, отпускаемых по рецепту, и наркотических болеутоляющих средств.

Он явно уловил перемену в ее настроении. С грохотом бросил трубку на стол и мрачно улыбнулся:

– Послушайте, док, если бы я заявился сюда, чтобы на вас напасть, то давно бы это сделал – и след простыл. Дело в том, что я не хочу, чтобы пошли слухи. Так что позабудем о больнице, ладно? Помогите мне, и мы распрощаемся.

Губы у него побелели. Он шумно втягивал воздух через стиснутые зубы.

– Вам плохо?

– Вовсе нет.

– Вам очень больно.

– Да, – признался он, кивнув головой. – Болит так, что хоть вой. Вы что, хотите, чтобы я истек кровью, пока мы спорим?

Она внимательно посмотрела на его упрямое лицо и решила согласиться, иначе он уйдет. Конечно, это легче всего, но совесть не позволяла ей отпустить человека в таком состоянии на все четыре стороны. Лаура велела мужчине спустить джинсы и лечь на кушетку.

– Я сам не раз давал такую команду, – заметил он.

– Охотно верю. – Она направилась к раковине, чтобы помыть руки дезинфицирующим раствором. – Если вам известно, где доктор Паттон держал виски, вы, должно быть, местный житель.

– Я здесь родился и вырос.

– Тогда почему вы не знаете, что он ушел на покой?

– Я какое-то время отсутствовал.

– Вы у него лечились?

– С тех пор, как себя помню. Он лечил меня от ветрянки, тонзиллита, починил мне два сломанных ребра, ключицу, сломанную руку, спас от заражения крови после того, как я поиграл в футбол ржавой консервной банкой. У меня до сих пор остался шрам на бедре в том месте, которым я на нее приземлился.

– Наверное, плакали?

– Ни в коем случае, – серьезно откликнулся он. – Сколько раз я являлся сюда за помощью среди ночи, и док Паттон открывал мне эту самую заднюю дверь. Между прочим, он не был таким скупердяем, когда виски использовалось в медицинских целях. Что вы делаете?

– Это успокоительное. – Лаура нажала на поршень шприца, и в воздухе рассеялось туманное облачко лекарства.

Затем она положила шприц и протерла его руку смоченной в спирте ватой. Прежде чем Лаура сообразила, что он собирается сделать, мужчина схватил шприц, нажал большим пальцем на поршень и выпустил жидкость на пол.

– Вы что – считаете меня идиотом?

– Мистер…

– Если вы хотите, чтобы я не чувствовал боли, дайте мне стакан виски. Я не позволю накачать меня наркотиками, чтобы я перестал соображать и вы бы спокойно вызвали «Скорую».

– Между прочим, – сердито заявила Лаура, – по закону я обязана сообщать властям о всяком огнестрельном ранении.

Он попытался сесть, и, когда это ему удалось, кровь хлынула у него из раны. Он застонал. Лаура торопливо натянула хирургические перчатки и принялась осушать кровь марлевыми тампонами, чтобы определить серьезность ранения.

– Боитесь заразиться СПИДом? – спросил он, кивнув на ее руки в перчатках.

– Профессиональная привычка.

– Не стоит волноваться, – объявил он с усмешкой. – Я всегда осторожен.

– Но сегодня-то не остереглись. Может, вас поймали, когда вы мошенничали в карты? А может, приударили не за той женщиной? Или чистили ружье, и оно случайно выстрелило?

– Я же сказал вам, что это…

– Помню. Упали на вилы. Только вилы оставят колотую рану. Я же все-таки врач, хотя вы этим и недовольны. – Она быстро и ловко обрабатывала рану. – Послушайте, мне придется иссечь края и наложить внутренние швы. Будет больно. Я должна вам дать обезболивающее средство.

– Об этом не может быть и речи. – Он сделал слабую попытку подняться.

Лаура его остановила, упершись ладонями ему в плечи.

– Может, попробуем лидокаин? Это местное анестезирующее средство, – пояснила она, взяла флакон из шкафа и дала ему прочитать наклейку. – Вы согласны?

Он неохотно кивнул и стал наблюдать, как Лаура готовит другой шприц. Она сделала укол около раны. Когда мышечные ткани потеряли чувствительность, она выровняла поврежденные места, обработала края физиологическим раствором, наложила внутренние швы и дренировала рану.

– А это еще что такое? – Незнакомец был бледен и обильно потел, но внимательно следил за умелыми движениями ее рук.

– Это чтобы удалить из раны излившуюся кровь и лимфу и предотвратить инфекцию. Я сниму дренаж через несколько дней. – Она наложила внешние швы и покрыла рану стерильной повязкой.

Бросив грязные перчатки в специальный металлический бачок для инфицированных материалов, Лаура вымыла руки над раковиной. Затем попросила его сесть, чтобы обмотать туловище эластичным бинтом, который будет фиксировать повязку.

Она отступила назад и придирчиво осмотрела результаты своей работы.

– Вам повезло, что стрелок оказался не из лучших. Чуть-чуть вправо, и пуля задела бы жизненно важные органы.

– А чуть-чуть ниже, и мне бы уже никогда не проникнуть в некоторые другие органы, тоже, знаете ли, очень важные.

Лаура сделала вид, что ничего не слышала.

– Считайте, что вам очень повезло, – вполне равнодушно обронила она.

Бинтуя рану, она вынуждена была обхватывать его тело руками, почти прижимаясь щекой к широкой груди. У него был крепкий, загорелый, покрытый волосами торс. Эластичный бинт рассек надвое его плоский мускулистый живот. Ей приходилось работать в отделениях «Скорой помощи» больших городских больниц и зашивать раны многим подозрительным личностям, но никто из них не был так интригующе разговорчив и… красив.

– Поверьте мне, док. Мне всегда чертовски везет.

– Хорошо, хорошо. Похоже, вы из тех, кто рискует, но умеет выкручиваться. Кстати, когда в последний раз вам делали противостолбнячную прививку?

– В прошлом году.

Она недоверчиво посмотрела на него. Он, будто давая клятву, поднял правую руку:

– Чтоб мне провалиться на этом месте.

Незнакомец поднялся с кушетки и, прислонившись к ней бедром, натянул джинсы. Он не стал застегивать ремень.

– Сколько я вам должен?

– Пятьдесят долларов за прием во внеурочное время, пятьдесят за наложение швов и повязки, по двенадцать за два укола, включая тот, что вы испортили, и сорок за лекарства.

– Какие еще лекарства?

Лаура достала две пластиковые упаковки из запирающегося на ключ шкафа и протянула ему:

– Это антибиотик и болеутоляющее. Как только действие лидокаина кончится, боль станет весьма чувствительной.

Он вытащил из кармана бумажник.

– Значит, так, пятьдесят и пятьдесят, плюс двадцать четыре, плюс сорок, итого…

– Сто шестьдесят четыре доллара.

Он приподнял бровь, удивляясь быстроте ее расчетов.

– Точно, сто шестьдесят четыре. – Незнакомец отделил от пачки нужные банкноты и положил их на стол. – Сдачи не надо, – сказал он, добавляя пятидолларовую бумажку вместо четырех по одному.

Лаура заметила, что он носит с собой много наличными. Даже когда он расплатился с ней, у него оставалась достаточно толстая пачка денег. Довольно необычная привычка.

– Примите сегодня две капсулы антибиотика, – предупредила она, – потом по четыре в день, пока не выпьете все.

Он прочитал надписи на упаковках, открыв болеутоляющее, вытряхнул на ладонь одну таблетку, бросил ее в рот и проглотил без воды.

– Она прошла бы лучше с глотком виски. – В его голосе прозвучали просительные нотки.

Лаура отрицательно покачала головой.

– Принимайте по одной каждые четыре часа. И запивайте их водой! – подчеркнула она, очень сомневаясь, что он примет это во внимание. – Приходите завтра в половине пятого, я вам сменю повязку.

– Еще за пятьдесят «зелененьких»?

– Нет, это уже оплачено.

– Очень вам благодарен.

– Не стоит. Как только вы уйдете, я позвоню шерифу Бакстеру.

Скрестив руки на голой груди, он снисходительно смотрел на Лауру.

– Хотите поднять его с постели в такое время? – Он осуждающе покачал головой. – Я знаю старину Эльмо Бакстера сколько себя помню. Они с отцом были приятелями. Выросли вместе во время нефтяного бума. Знаете, что это такое? Они говорили, что это то же самое, что пройти вместе всю войну. Мальчишками они крутились возле буровых вышек, были чем-то вроде талисмана для матерых добытчиков и спекулянтов, для тех, кто искал нефть наугад. Они выполняли их поручения, покупали им еду, сигареты, самогон, все, что те пожелают. Наверное, старина Эльмо не захочет вспоминать, чем они там еще их снабжали. Ладно, можете звонить шерифу. Если он здесь появится, то будет рад меня видеть, только и всего. Он похлопает меня по спине и скажет: «Что-то долго тебя здесь не было», – и спросит, какие за мной водятся грешки.

Мужчина остановился, чтобы оценить реакцию Лауры. Ее холодный взгляд его нисколько не обескуражил.

– У Эльмо невпроворот работы, к тому же ему мало платят. Вызов в такой поздний час, да еще из-за пустяка, выведет его из себя, а он вообще сварливый по характеру. А если с вами действительно приключится что-то серьезное, к примеру, какой-нибудь наркоман ворвется сюда и потребует дозу, шериф дважды подумает, прежде чем бежать к вам на помощь. И кроме того, – добавил он, понизив голос, – народ не любит, чтобы разглашали его маленькие тайны, особенно врачебные. Люди в таком городке, как Иден-Пасс, придают этому большое значение.

– Сомневаюсь, чтобы в Иден-Пасс вообще что-нибудь можно было скрыть, – спокойно парировала Лаура. – Я уже усвоила, как быстро и точно здесь работает подпольный телефон. Тайна, в том числе и врачебная, в этом городке не выживет и дня. Я также все поняла насчет шерифа. Он для здешних жителей свой парень, и если бы я и сообщила ему о пулевом ранении, то этим все бы и кончилось.

– Верней всего, так, – откровенно согласился он. – Если шериф будет тут расследовать каждую перестрелку, то он через месяц откинет копыта.

Лаура решила, что он говорит правду, и, вздохнув, спросила:

– Вас ранили на месте преступления?

– Да нет, это так – мелкие грешки, – ответил он с ленивой и довольной усмешкой. В его синих глазах вспыхнул лукавый огонек. – Не думаю, что это можно назвать преступлением.

Забыв о том, что ей следует держаться с достоинством, Лаура рассмеялась. Он совсем не был похож на преступника, но уж грешником был обязательно. И вряд ли этот человек опасен для окружающих, разве только для неравнодушной к его чарам женщины.

– Вот, значит, как, докторша не такая уж надутая. Она даже умеет улыбаться. И у нее славная улыбка. – Прищурившись, он вкрадчиво спросил: – А что еще у нее есть хорошенького?

Теперь пришло ее время скрестить руки на груди.

– Неужели такой подход срабатывает?

– Я всегда считал, что мужчине и женщине нечего зря разводить разговоры.

– Вот как?

– Зачем тратить силы и время. Лучше их использовать на другие вещи.

– Смею спросить, на какие?

– Дерзайте. Меня этим мне смутишь. А вас?

Лаура уже подзабыла, когда с ней в последний раз столь откровенно заигрывал мужчина. А сама она флиртовала вообще в незапамятные времена. Это было приятное ощущение, хотя

и недолгое. И тут она сообразила, что врачу запрещается даже самое безобидное кокетство. Ее улыбка исчезла. Лаура выпрямилась, вспомнив о своих профессиональных обязанностях.

– Не забудьте свою рубашку, – сухо произнесла она.

– Выбросьте ее в мусор. – Он сделал шаг в сторону и тут же вновь привалился к стене; его лицо исказилось от боли. – Черт побери!

– Что еще?

– Проклятая лодыжка. Нога подвернулась, когда… Наверное, растяжение.

Лаура присела на корточки и осторожно закатала правую штанину его джинсов.

– Господи! Почему вы мне об этом не сказали сразу?

Лодыжка распухла и выглядела ужасно.

– Я истекал кровью, как прирезанная свинья. Это было поважнее. Ничего, все пройдет. – Он наклонился, оттолкнул ее ощупывающие руки и опустил штанину.

– Вам необходимо сделать рентген. Возможно, это перелом.

– Нет.

– Вы ничего не понимаете в медицине.

– Верно. Но уж насчет перелома не ошибусь.

– Я не могу взять на себя ответственность.

– Расслабьтесь. Я не собираюсь возлагать на вас какую-либо ответственность. – Без рубашки, босиком, он кое-как проковылял до двери, через которую вошел в дом.

– Может, перед уходом хотя бы руки вымоете? – предложила она.

Он посмотрел на свои испачканные кровью ладони и помотал головой:

– Они бывали и грязнее.

Лаура чувствовала себя как-то странно. Все шло слишком уж бестолково. Но что ж поделаешь, он – взрослый человек, отвечающий за свои поступки. Она, в конце концов, ему не нянька.

– Не забывайте принимать антибиотик, – напомнила она и, пригнувшись, скользнула под его правую руку, подставив свое плечо.

Пикап стоял рядом с верандой. Передние колеса въехали на клумбу недавно посаженных ею петуний.

– У вас есть костыли?

– Если понадобятся, найду.

– Не сомневайтесь, понадобятся. Постарайтесь несколько дней не опираться на правую ногу. Дома положите на лодыжку грелку со льдом и держите ногу по возможности приподнятой. И не забудьте прийти…

– Завтра в четыре тридцать. Не забуду.

Она посмотрела на него. Взгляды их встретились. Лаура ощущала тепло его мускулистого и крепкого тела, понимая, что такой жизнеспособный организм быстро справится с любыми ранами. Он был образцом физического здоровья, и, надо сознаться, она безуспешно пыталась смотреть на него только глазами врача.

Странный пациент напряженно ее изучал, рассматривал лицо, волосы. Низким хрипловатым голосом заметил:

– Могу поклясться, что я никогда еще не встречал такого доктора. – Его рука скользнула с ее плеча на бедро.

– Что же во мне особенного?

Он молчал, но рука его совсем не желала оставаться на месте. Лаура уже собиралась резким движением остановить этот натиск, как вдруг этот распоясавшийся тип поцеловал ее. Дерзко, стремительно прижался губами к ее губам.

Онемев от неожиданности, Лаура высвободилась из объятий. Сердце стучало изо всех сил, ей стало жарко. Десяток способов, как выйти из положения, промелькнули у нее в голове, но, пожалуй, лучше всего притвориться, что ничего не произошло.

Спокойно, безо всякого волнения, Лаура спросила:

– Вас куда-нибудь подвезти?

Он широко улыбался, всем своим видом показывая, что от него не укрылось ее смятение.

– Спасибо, не надо, – отозвался он. – Пикап с автоматической передачей. Я вполне справлюсь.

– Ну что ж, – она равнодушно пожала плечами. – Если я узнаю, что этой ночью было совершено какое-то преступление, мне все-таки придется известить о вашем случае шерифа Бакстера.

Смеясь и одновременно морщась от боли, мужчина сел за руль пикапа.

– Не беспокойтесь. Вы не нарушили закона. – Он завел мотор, включил скорость. – До встречи, док.

– Будьте осторожны, мистер…

– Такетт! – крикнул он через открытое окно. – Можете называть меня просто Кей.

Лаура остолбенела. Сердце, которое только что вырывалось из груди, казалось, перестало биться вообще. Кровь отлила от головы, и все поплыло перед глазами. Должно быть, она страшно побледнела, но, слава богу, этот человек был занят тем, что выруливал на дорогу; да и темно было. Он дважды нажал на сигнал, отсалютовал ей кончиками пальцев, и пикап исчез за поворотом.

Лаура бессильно опустилась на прохладные бетонные ступени, покрытые застывающими капельками крови. Она закрыла лицо внезапно повлажневшими руками. Ночь стояла теплая и немного душная, но Лаура дрожала, как от холода. Ноги покрылись гусиной кожей. Во рту пересохло.

Кей Такетт, младший брат Кларка. Он наконец возвратился домой. Сколько она ждала этого дня. Кей Такетт – важное звено отчаянного плана, разрабатываемого и совершенствуемого ею весь прошлый год. И вот теперь он вернулся. Она должна найти способ заручиться его поддержкой. Но как?

Узнав, что она доктор Лаура Маллори, Кей Такетт вряд ли подойдет к ней на пушечный выстрел. Во всяком случае, о сколько-нибудь хороших отношениях и речи быть не может.

2

В то утро, как обычно, Джейн Элен Такетт поднялась, стоило только зазвонить будильнику. Краны в ванной открывались со скрежетом, горячая вода громко стучала и булькала в трубах внутри стен, но она так привыкла к этим звукам, что не замечала их.

Джейн Элен прожила здесь все тридцать три года своей жизни. Ее отец построил этот дом для своей молодой жены сорок лет тому назад, и, хотя с годами его переделывали и модернизировали, на стенах и на полу остались нестираемые пятна и царапины, свидетельства детских игр Джейн Элен и ее братьев. Это создавало особую атмосферу, это было свое, родное, неизменное и непоколебимое.

Впрочем, для Кларка и Кея дом являлся всего-навсего местом обитания. Но Джейн Элен воспринимала его совсем иначе. Он казался ей почти живым, помнящим их всех такими, какими они были когда-то. Она знала здесь все закоулки от чердака до подвала. Она знала его, как свое собственное тело. А может быть, даже лучше. Джейн Элен никогда не вспоминала о своем теле, никогда не обращалась мыслью к собственной персоне, никогда не задумывалась над своей жизнью и не спрашивала себя, счастлива она или нет. Она принимала жизнь такой, какая она есть.

После душа мисс Такетт надела рабочую юбку цвета хаки и простую хлопчатобумажную блузку. Она носила чулки телесного цвета; ее коричневые кожаные туфли не претендовали на соответствие моде, но отличались удобством. Волосы собраны на затылке в аккуратный хвост – никаких там финтифлюшек. Она почти не пользовалась косметикой. Капелька румян на щеках, чуть-чуть черной туши на кончиках ресниц, немного розового блеска для губ, и она готова встретить день.

Солнце только вставало, когда Джейн Элен спустилась вниз и вошла в кухню, где включила лампы дневного света на потолке, залив комнату ослепительным голубовато-белым светом операционной. Она терпеть не могла это яркое навязчивое сияние, начисто лишавшее уюта в остальном традиционно обставленную кухню.

Но это нравилось Джоди.

Привычным жестом Джейн Элен включила кофеварку. Она всегда скрупулезно выполняла свои утренние обязанности с того самого дня, как рассчитали последнюю жившую в доме экономку. Когда Джейн Элен исполнилось пятнадцать, она объявила, что больше не нуждается в няньке. Она сама прекрасно может собраться в школу, а между делом приготовит завтрак и для матери.

Мэйдейл, их теперешняя приходящая прислуга, занималась уборкой и стиркой, готовила кое-что к обеду. Со всеми остальными домашними делами, и это помимо своих обязанностей в «Нефтяной и газовой компании Такетт», успешно справлялась Джейн Элен.

Она заглянула в холодильник, чтобы проверить, есть ли там кувшин с апельсиновым соком, и наполнила сливками молочник. Джоди нельзя пить кофе с такими жирными сливками, но она никого не слушалась, поступая всегда по-своему.

Пока кофеварка шипела и булькала, Джейн Элен вышла на крытую заднюю веранду полить папоротники и бегонии.

Вот тогда-то она и заметила пикап. Он показался ей незнакомым, но был припаркован возле задней двери, словно всегда стоял на этом месте. На том самом месте, где Кей обычно…

Джейн Элен повернула назад, чуть не расплескав воду из лейки. Ткнув ее куда-то в угол, она выскочила из кухни, добежала до лестницы и, ухватившись рукой за столб, описала полукруг, как некогда в детстве, а затем бросилась вверх по ступенькам. На втором этаже она промчалась по коридору до дверей последней спальни и без стука ворвалась внутрь.

– Кей!

– Что?

Причесывая пятерней темные всклокоченные волосы, он поднял голову с подушки и часто заморгал, пытаясь ее разглядеть. Потом застонал, прижав руку к боку.

– Господи, разве можно так пугать. У меня был подобный случай с бедуином, я чуть было не распорол ему живот, хорошо, вовремя понял, что это один из наших друзей.

Не обращая внимания на столь экзотический выговор, Джейн Элен бросилась к брату.

– Кей! Ты вернулся. Когда? Почему ты нас не разбудил? Ты дома, дома. Как хорошо, что ты приехал!

Она схватила его за плечи и принялась целовать в лоб и щеки.

– Ладно, ладно, я понял. Ты рада меня видеть. – Ворча, он увертывался от ее поцелуев, но, когда ему удалось сесть, на его лице сияла улыбка. – Привет, сестренка. – Он осмотрел ее покрасневшими глазами. – Ну как ты? Седых волос нет. Зубы почти все целы. Прибавила всего пять-шесть фунтов. В общем, не очень постарела.

– Я совсем не потолстела, так и знай. И выгляжу как обычно. О чем можно только пожалеть. – Безо всякого кокетства она добавила: – Это вы с Кларком были красавчиками в нашей семье, помнишь? А я невзрачная Джейн. Или, если хочешь, Джейн Элен.

– Зачем ты сразу хочешь меня разозлить? – спросил он. – Почему ты так говоришь?

– Потому что это правда. – Она слегка пожала плечами, как будто все сказанное не имело большого значения. – Хорошо, не будем тратить на меня время. Расскажи о себе. Откуда ты явился и когда?

– Твое сообщение дошло до меня через тот лондонский телефонный номер, который я тебе оставил, – пояснил он, широко зевая. – Я был тогда в Саудовской Аравии. Добирался три или четыре дня. Трудно не запутаться, когда пересекаешь много часовых поясов. Вчера прилетел в Хьюстон, а сюда прибыл уже где-то ночью.

– Почему ты нас не разбудил? Чей это пикап? Сколько ты с нами пробудешь?

Он снова убрал волосы со лба и при этом сморщился, как от боли.

– Прошу тебя, давай все по порядку. Я не разбудил вас потому, что было поздно, какой в этом смысл? Я взял пикап у приятеля в Хьюстоне, он через пару дней должен доставить самолет в Лонгвью. Тогда заберет грузовичок и поедет на нем обратно. И… какой там был последний вопрос?

– Сколько ты с нами пробудешь? – Джейн Элен сложила руки под подбородком, словно маленькая девочка, молившаяся на ночь. – Только не говори, что одну неделю. Скажи, что будешь с нами долго-долго.

Он взял ее сложенные руки в свои.

– Мой контракт с той нефтяной компанией в Аравии все равно почти закончился. Сейчас у меня нет никаких планов. Так что не будем торопиться. Подождем и посмотрим, как я тут приживусь, договорились?

– Договорились. Спасибо тебе, Кей. – Слезы блестели в ее прекрасных синих глазах. Что касалось этой семейной черты, то тут судьба ее не обделила. – Мне не хотелось беспокоить тебя из-за этих наших событий, но…

– Перестань.

– Нет, правда. Я бы не стала тебя вызывать, но я подумала, что твое присутствие как-то… улучшит положение.

– В чем дело, Джейн Элен?

– Мама. Она больна, Кей.

– Опять скачет давление?

– Хуже. – Джейн Элен ломала пальцы. – У нее начались провалы памяти. Я это не сразу заметила. Потом Мэйдейл рассказала о нескольких случаях, когда мама теряла вещи и обвиняла ее, что она их куда-то засунула. В разговоре мама без конца повторяется.

– Ей уже немало лет, Джейн Элен. Может быть, это первые признаки старческой дряхлости.

– Все может быть, но я другого мнения. Боюсь, что это серьезней, чем просто старение.

– А что говорит доктор?

– Она не хочет его видеть! – в отчаянии воскликнула Джейн Элен. – Доктор Паттон прописал ей лекарство от гипертонии, но это было год назад. Она заставляет фармацевта выдавать ей лекарство по старому рецепту и твердит, что этого достаточно. Она не желает даже слушать, когда я предлагаю пройти обследование у другого врача.

Кей понимающе усмехнулся:

– Это в ее характере, точно. Знает все и обо всем лучше всех.

– Пожалуйста, Кей, не суди ее строго. Помоги ей. И мне тоже.

Он ласково похлопал ее по щеке.

– Ты слишком долго одна несла эту ношу. Пора прийти к тебе на помощь. – Он стал серьезным. – Если у меня получится.

– Обязательно получится. Теперь у вас с мамой будут другие отношения.

Недоверчиво хмыкнув, он сбросил простыню и опустил ноги на пол.

– Подай-ка мне джинсы.

Джейн Элен уже готова была повернуться, чтобы взять с кресла-качалки лежавшие комом джинсы, как вдруг заметила повязку.

– Что с тобой случилось?! – воскликнула она. – А лодыжка, что с твоей лодыжкой?

Он небрежно ощупал распухшую ногу.

– Немного беспокойное возвращение домой.

– Как все произошло? Это серьезно?

– Нет. А теперь подай мне джинсы.

По-прежнему сидя на краю постели, он протянул руку. Джейн Элен были знакомы эти упрямо сжатые челюсти и желваки на небритых щеках; она подала ему джинсы, а потом, встав на колени, помогла продеть в штанины босые ступни.

– Смотри, как раздулась лодыжка, – озабоченно проговорила она. – Ты можешь наступать на ногу?

– Врач мне посоветовал этого не делать, – отрывисто сказал он. – Помоги-ка.

Она поддерживала его, пока Кей, опираясь только на левую ногу, натянул на бедра джинсы. Застегивая ширинку, он улыбнулся ей озорной улыбкой, перед которой не могли устоять даже самые добродетельные женщины.

Джейн Элен не могла представить, сколько их поддалось магическому очарованию ее братьев, и в первую очередь Кея. Она часто грезила, как будет баловать многочисленных племянников и племянниц, но мечта оставалась только мечтой. Кей обожал женщин, причем самых разных. Но не похоже, что он скоро угомонится, связав себя брачными узами.

– Ловко у тебя получается надевать на мужчин штаны, – заметил он шутливо. – А снимать-то умеешь? Я очень на это надеюсь, – добавил он.

– Замолчи!

– А все-таки?

– Нет! – Она почувствовала, что у нее загорелись щеки. Кей всегда заставлял ее краснеть.

– А почему нет?

– Меня это не интересует, вот почему, – отрезала она. – Кроме того, никого пока не привлекала моя чудная внешность.

– Не вижу в ней ничего плохого, – настаивал он.

– И хорошего тоже.

– Да ты просто вбила себе в голову, что ты некрасивая, и одеваешься соответственно. Ты такая… – Он неодобрительно посмотрел на ее строгую блузку. – Такая застегнутая на все пуговицы.

– Я…

– Да, да! Тебе надо расслабиться, расстегнуть все пуговицы и крючки и дать себе наконец волю, сестренка.

Она изобразила негодование.

– Я, как старая дева, отказываюсь слушать подобные ужасные вещи.

– Старая дева! Какая еще… Послушай меня, Джейн Элен. – Указательным пальцем он почти касался кончика ее носа. – Послушай, ты *совсем* не старая.

– Но и не первой молодости.

– Ты на два года моложе меня. Значит, тебе тридцать четыре года.

– Ты немного ошибся.

– Ладно, тридцать три. До старости еще ой как далеко. Бабы в наши дни ждут до сорока, чтобы родить детей.

– Сомневаюсь, чтобы им понравилось, как ты их называешь.

– Наплевать, главное, чтобы ты меня поняла, – настаивал он. – Ты даже еще не достигла полного расцвета своей сексуальности.

– Кей, прошу тебя.

– И единственной причиной, почему ты еще «девушка», *если* это действительно так…

– Это так.

– Ну и глупо… Так вот, единственной причиной является то, что ты сторонишься любого мужчины, который еще только подумывает, а не пошарить ли у тебя в трусиках.

Джейн Элен, онемев от его грубости, молча уставилась на брата. Она работала среди мужчин восемь часов в день, пять дней в неделю и, случалось, прихватывала субботу и воскресенье. Как правило, язык этих людей весьма сочен, но они его придерживали, если поблизости оказывалась мисс Джейн Элен. А когда ее подчиненные непосредственно обращались к ней, то их речь могла считаться образцом вежливости.

И конечно, Джоди убила бы на месте любого мужчину, позволившего себе вульгарно выражаться в ее присутствии или в присутствии ее дочери. Как ни странно, при этом сама Джоди владела довольно обширным набором непристойных выражений и ругательств и пользовалась ими, не замечая этой своей слабости.

Джейн Элен хорошо знала, что своей манерой держаться она возводит невидимую стену, препятствуя непринужденному дружескому общению с другими людьми. Она считала свою застенчивость серьезным недостатком. Это налагало на нее печать отчужденности и подтверждало, что она не привлекает мужчин на любом уровне отношений, включая дружбу. Она просто не умела быть запанибрата в мужской компании, хотя выросла вместе с Кларком и Кеем.

Она не столько обиделась, сколько поразилась непристойности замечания, хотя в какой-то мере брат ей польстил. Кей, правда, не догадывался о ее чувствах.

– Черт возьми, – бормотал он с раскаянием и гладил ее по щеке. – Прости меня. Я не хотел сказать ничего плохого, но ты слишком строга к себе. Ради бога, смотри на вещи проще. Радуйся жизни. Возьми на год отпуск и поезжай в Европу. Веселись. Шуми. Скандаль. Только не замыкайся в себе. Жизнь слишком коротка, чтобы хмуриться. Она проходит мимо тебя.

Джейн Элен улыбнулась, взяла его руку и поцеловала.

– Извинения приняты. Но ты ошибаешься, Кей. У меня все в порядке. Моя жизнь здесь, и я ею довольна. Я очень занята и просто не представляю, что бы я делала в другом месте. Любовь, приключения – весь этот шум, пожалуй, не для меня. Согласна, моя жизнь кажется серой по сравнению с твоей, но это моя жизнь. Ты перекати-поле. А я домоседка, меня не привлекают скандалы. – Она положила руку ему на плечо. – Пойдем вниз. Кофе уже готов.

– Прекрасно. Одна-две чашки не помешают перед встречей со старушкой. Когда она обычно встает?

– Старушка уже встала.

В дверях комнаты стояла их мать Джоди Такетт.

…Бови Кейто проснулся от того, что кто-то с силой толкал его в бок носком ботинка.

– Эй ты, вставай.

Бови открыл глаза и перевернулся на спину. С трудом он вспомнил, что ночевал в кладовой бара «Под пальмой», самого шумного, буйного и обшарпанного бара из шумных, буйных и обшарпанных баров по обеим сторонам узкого шоссе на окраине Иден-Пасс.

Недавно нанятый уборщиком, Бови выполнял большую часть своей работы глубокой ночью, когда бар закрывался, а то и под утро, если было много посетителей. Помимо жалкой зарплаты, привилегией Бови было ночевать в спальном мешке на полу кладовой.

– Что случилось? – спросил Бови, с трудом продирая глаза. Ему казалось, что он не проспал и двух часов.

– Вставай.

Снова последовал удар в ребра, но на этот раз скорее в качестве напоминания. Первым желанием Бови было схватить эту ногу и толкнуть ее владельца, лишив таким образом обидчика равновесия и приземлив его со всеми удобствами.

Но Бови провел последние три года в тюрьме штата как раз за то, что дал волю своим чувствам и рукам, и не стремился провести там еще один срок.

Молча, без замечаний и жалоб, он сел на пол и потряс все еще сонной головой. Щурясь от солнечного света, проникавшего через окно, он рассмотрел силуэты двух стоявших над ним мужчин.

– Прости, Бови. – Это был Хэп Холлистер, владелец бара «Под пальмой». – Я объяснил Гасу, что ты был тут всю ночь, никуда не отлучался с семи часов вечера, но он настаивает, что обязан проверить, потому что ты бывший заключенный. Они с шерифом с вечера опросили всех в округе, и на данный момент ты единственная подозрительная личность в городе.

Бови не очень внятно что-то бормотал, с трудом поднимаясь на ноги.

– Не беспокойся, Хэп, – улыбнулся он наконец своему новому хозяину, затем повернулся к лысому, оплывшему помощнику шерифа и мрачно поинтересовался: – О чем речь?

– О чем речь? – раздраженно передразнил помощник шерифа. – Вчера вечером миссис Дарси Уинстон чуть не изнасиловали в собственной кровати. Вот о чем речь.

Он рассказал им о нападении.

– Мне очень печально это слышать. – Бови по очереди взглянул на помощника шерифа и на Хэпа, но те продолжали выжидательно смотреть на него. Бови резко пожал плечами, выражая недоумение. – Кто такая миссис Дарси Уинстон?

– Будто не знаешь, – недоверчиво усмехнулся помощник шерифа.

– *Не знаю*.

– Ты с ней говорил вчера вечером, Бови, – сочувственно вздохнул Хэп. – Она была здесь, когда ты дежурил. Рыжая, с большими сиськами, фиолетовые штаны в обтяжку. Вся увешана побрякушками.

– А, помню.

Он не помнил побрякушек, но груди помнил, такие не забудешь, и миссис Дарси Уинстон знала это лучше всех других. Она опрокидывала коктейли, словно содовую, и приставала ко всем мужчинам, не исключая скромного уборщика Бови.

– Мы с ней поговорили, – сообщил он помощнику шерифа, – но до обмена визитными карточками дело не дошло.

– Она лезла с разговорами ко всем, ты же знаешь, Гас, – вмешался Хэп.

– Но только он один отсидел срок. Только его одного выпустили условно.

Бови переступил с ноги на ногу и приказал себе расслабиться. Провались все пропадом, он чувствовал, что беда притаилась где-то рядом за углом, вот-вот она выскочит оттуда, и тогда ему крышка.

Помощник шерифа, тянувший фунтов на двести пятьдесят, был хамом. За свою жизнь Бови на них достаточно насмотрелся и потому узнавал с первого взгляда. Они могли быть большими и толстыми, они могли быть маленькими и тощими – это не имело значения. Общим для всех признаком была подлость ради подлости, светившаяся в их глазах.

Первым таким типом, встретившимся Бови, был его отчим, овдовевшая мать вышла за него от отчаяния, и тот почти сразу принялся избивать своего пасынка. Позже Бови распознал ту же подлость в школьном учителе физкультуры, каждодневно мучившем и унижавшем ребят, обделенных природой в том, что касалось спортивных успехов.

Бови не пасовал перед грубостью отчима, он стремился защитить слабых от учителя физкультуры, с этого-то и начались беды, приведшие его в конце концов в окружную тюрьму для малолетних правонарушителей. Это не научило его равнодушию благонамеренного обывателя, и через несколько лет он очутился в тюрьме штата.

Но в данном случае он ни при чем. Он не знал Дарси Уинстон, и ему абсолютно безразлична ее судьба. Бови подумал, что если будет держать себя руках, то выпутается из этой истории.

– Я весь вечер не отлучался отсюда, Хэп верно говорит.

Помощник шерифа осмотрел его сначала сзади, потом спереди.

– Снимай одежду.

– Извините, я не расслышал.

– Ты что – глухой? Снимай все. Раздевайся догола.

– Гас, – опасливо спросил Хэп, – ты думаешь, это надо? Этот парень…

– Не лезь не в свое дело, – отрезал помощник шерифа. – Не мешай мне работать, слышишь? Миссис Уинстон стреляла в преступника. Мы знаем, что она в него попала, перила балкона в ее комнате запачканы кровью, и мы обнаружили лужу крови возле плавательного бассейна. Он оставил кровавый след, когда пробирался через кусты. – Гас поправил кобуру пистолета, гнездившуюся в глубокой складке под его огромным обвисшим брюхом. – Так вот, давай проверим, нет ли у тебя где огнестрельной раны. Снимай шмотки, тюремная птичка.

Бови не выдержал:

– Иди в жопу.

Лицо помощника шерифа стало красным, как пожарная машина. Свиные глазки утонули в складках багрового жира.

«Ну теперь держись», – подумал Бови.

Полицейский, пыхтя и хрюкая, как боров, бросился на Бови. Бови увернулся. Гас в бешенстве замахнулся, и Бови снова уклонился от удара. Хэп Холлистер встал между ними.

– Эй, вы оба! Мне не нужны неприятности. Вам, наверное, тоже.

– Я переломаю все кости этому педерасту.

– Прекрати, Гас.

Тот попытался вырваться из крепких объятий Холлистера, но Хэп был достаточно силен и не раз унимал разбушевавшихся пьяниц.

– Шериф Бакстер устроит тебе разнос по всем правилам, если ты сцепишься с подозреваемым.

– Я не подозреваемый! – завопил Бови.

Не выпуская полицейского, Хэп в ярости взглянул на Бови через жирное плечо помощника шерифа:

– Прекрати орать. Это тебе ничего не даст. А теперь извинись.

– Лучше сдохнуть!

– Быстренько! Ну! – проревел Хэп. – Что я, зря тут мучаюсь?

Помощник шерифа задыхался от бешенства. Кейто задумался. Если он лишится работы, надзирающий за ним полицейский сживет его со света. Работенка паршивая и никчемная, но Бови все-таки работал, что подтверждало в глазах общества его искреннее желание вернуться к нормальной жизни.

Он ни за что больше не попадет в Хантсвилл. Он не сядет в тюрьму, даже если ему придется поцеловать в задницу каждого борова с толстым загривком и с шерифской звездой на рубашке.

– Беру обратно свои слова. – Он расстегнул рубашку и продемонстрировал помощнику шерифа грудь и спину. – Никаких пулевых ранений. Я был тут весь вечер.

– Найдется с десяток свидетелей, которые это подтвердят, Гас, – добавил Холлистер. – Кто-то другой прошлой ночью пытался вломиться в спальню к миссис Дарси Уинстон. Я тебе ручаюсь.

Гас не желал признать поражение, хотя понимал, что допустил ошибку.

– Странное дело, – проговорил он, – стоило появиться у нас этому типу, как мы имеем первое серьезное преступление бог знает за какое время.

– Стечение обстоятельств, – заметил Хэп Холлистер.

– Видно, так оно и есть, – успокаиваясь, проворчал помощник шерифа, все еще продолжая смотреть на Бови с ненавистью и подозрением.

Хэп отвлек его последними городскими новостями.

– Кстати, ты знаешь, кто к нам вчера заявился? Кей Такетт.

– Да неужели?

Уловка сработала. Опершись локтем на полку и моментально расслабившись, полицейский на время позабыл о Бови и цели своего посещения. Что же касалось Бови, то он мечтал только об одном: влезть обратно в спальный мешок и хорошенько отоспаться. Он зевнул.

Помощник шерифа пустился в разговоры, явно заинтересовавшись сообщением.

– А как выглядит старина Кей? Наверное, подрастолстел? – Он со смехом похлопал себя по животу.

– Вовсе нет. Он ни капельки не изменился с тех пор, как в последнем классе вывел футбольную команду в финал. Все такой же темноволосый красавчик, перед которым никто не устоит. И те же синие глаза, видящие все насквозь. И все такой же ловкач. После похорон брата он тут впервые.

Бови насторожился. Он вспомнил человека, о котором они говорили. Такетт из тех, кто производит большое впечатление на людей, как на мужчин, так и на женщин. Мужчины мечтали на него походить, женщины – завести с ним более тесную дружбу. Не успел он сесть на табурет у стойки, как миссис Как-ее-там с рыжей шевелюрой и здоровыми грудями так и прилипла к нему. С полчаса, а то и больше, они любезничали. Сначала ускользнула она, а Такетт ушел почти что сразу за ней.

Удивительное совпадение, если только это действительно совпадение. Бови усмехнулся про себя. Он не очень-то верил в совпадения. Но пусть они вырвут у него язык и скормят собакам, если он расскажет о виденном помощнику шерифа.

– Тяжелый это был удар для старой Джоди – смерть Кларка, – между тем говорил Гас.

– Да, верно.

– Она сама не своя с тех пор, как умер сын.

– А тут еще эта докторша приехала ни с того ни с сего, и снова пошли сплетни.

Помощник шерифа на секунду задумался, печально качая головой.

– И зачем ее черт принес в Иден-Пасс после того, что у нее было с Кларком Такеттом? Вот что я скажу тебе, Хэп, люди сегодня совсем обнаглели. Думают только о себе, а с чувствами других не считаются.

– Твоя правда, Гас. – Хэп вздохнул и похлопал по плечу помощника шерифа. – Кончишь работу, заходи, выпьем пивка.

Бови некоторое время восхищенно глазел, как ловко Хэп извлек помощника шерифа из кладовой и провожал через пустой бар до дверей, продолжая сетовать на плачевное состояние мира. Потом лег поверх спального мешка, заложил руки за голову и уставился в потолок. Между голыми балками висела густая замысловатая паутина. Трудолюбивый паук продолжал расширять ловушку под внимательным взглядом Бови.

Через минуту вернулся Хэп. Он уселся на ящик с виски, закурил и предложил сигарету Бови. Некоторое время они молча курили.

Наконец Хэп заметил:

– Видно, придется тебе поискать другую работу.

Бови приподнялся, опершись на локоть. Он не удивился, но не собирался сдаваться без боя, так сказать, лежа.

– Ты меня увольняешь, Хэп?

– Не сразу.

– Ты же знаешь, что я тут ни при чем с этой сукой.

– Знаю.

– Тогда почему на мне отыгрываются? И вообще, кто она такая? Подумаешь, царица Савская.

Хэп хмыкнул.

– Для своего муженька, да. Фергус Уинстон – главный инспектор всех школ нашего округа, а также владелец мотеля на выезде из города, и дела у него идут прекрасно. Он лет на двадцать старше Дарси. Страшный, как тысяча чертей, и не слишком умный. Говорят, она вышла за него из-за денег. А там кто знает? – Он философски пожал плечами. – Я только знаю, что стоит Фергусу отлучиться, как она уже вся на взводе. Горячая дамочка, – добавил он без осуждения. – Я сам с ней тоже перепихнулся пару раз. Давным-давно, когда мы еще учились в школе. – Кончиком горящей сигареты он показал в сторону Бови. – Если вор действительно влез к ней ночью в спальню, то, верней всего, она его подстрелила потому, что он ее не изнасиловал.

Бови рассмеялся шутке, но тут же стал серьезным.

– А все-таки за что ты меня прогоняешь, Хэп?

– Для твоей же собственной пользы.

– В полиции мне сказали, что если я не подаю в баре спиртное…

– Не в этом дело. Ты хорошо справлялся с той работой, на которую я тебя нанял. – Он посмотрел на Бови взглядом многоопытного человека. – У меня с законом все в порядке, но каждый вечер сюда заглядывает достаточно всяких подозрительных личностей. Может случиться все, что угодно, и, между прочим, иногда случается. Послушайся моего совета и подыщи себе место, где меньше шансов попасть в беду. Ты меня понял?

Бови понял. По-другому у него не бывало. Он не искал неприятностей, они сами его находили; честному и трудолюбивому Хэпу Холлистеру не нужен в баре прирожденный забияка. Впрочем, грех жаловаться, Хэп желал ему добра.

Бови покорно сказал:

– Что-то не слыхал, чтобы хозяева наперебой предлагали работу бывшим заключенным. Может, подержишь меня еще несколько дней?

Хэп кивнул.

– Пока не подыщешь что-нибудь, можешь здесь ночевать. Если понадобится, бери мой пикап, чтобы поездить по округе. – Хэп перегнал сигарету в угол рта и поднялся. – Ну что ж, пойду разбираться со счетами. А ты поспи. Ты почти всю ночь был на ногах.

Оставшись один, Бови снова лег, но знал, что не сможет заснуть. С самого начала он понимал, что в этой забегаловке у него нет будущего, но, по крайней мере, здесь имелась крыша над головой. Он надеялся, что бар ему послужит временным убежищем где-то на полпути между тюрьмой и свободной жизнью. Так нет же. Из-за какой-то шлюхи, которую он и знать не знает, он опять должен начинать с нуля. С той самой точки, куда его упорно возвращала жизнь.

3

Джоди Такетт и ее сын смотрели друг на друга. Пропасть, разделявшую их, они не могли преодолеть целых тридцать шесть лет. Кей сомневался, что это когда-нибудь вообще произойдет.

Он заставил себя улыбнуться.

– Привет, Джоди.

Он уже много лет не называл ее мамой и какими-либо производными от этого словами.

– Господи, это ты, Кей. – Она с укором взглянула на Джейн Элен. – Твои штучки.

Кей обнял сестру за плечи.

– Джейн Элен не виновата. Это я решил устроить всем вам сюрприз.

Джоди Такетт фыркнула, таким образом показав сыну: она знает, что он врет.

– Ты, кажется, сказала, что кофе готов? – обратилась она к дочери.

– Да, мама, – с готовностью отозвалась Джейн Элен. – Я приготовлю вам с Кеем праздничный завтрак, чтобы отметить его возвращение.

– Сомневаюсь, что это причина для торжества. – Джоди повернулась и вышла из комнаты.

Кей громко вздохнул. Он не ждал сердечных объятий или хотя бы видимости тепла. У них с матерью никогда не возникало подобных отношений. Сколько он себя помнил, Джоди всегда была для него далекой и недоступной; она сама так поставила себя.

Годами они жили бок о бок в состоянии необъявленной войны. Когда они были вместе, Кей всегда был вежлив с ней и ожидал от нее такой же учтивости. Иногда его надежды оправдывались, иногда нет. В это утро Джоди была настроена откровенно враждебно, хотя после смерти брата он остался ее единственным сыном.

Возможно, в этом и крылась причина ее неприязни.

– Будь терпелив с ней, Кей, – умоляла Джейн Элен. – Она плохо себя чувствует.

– Я вижу, – задумчиво произнес он. – И давно она так сдала?

– Уже с год, она все еще не оправилась после… Ты знаешь.

– Понимаю. – Он замолк. – Я постараюсь ее не огорчать, пока я здесь. – Взглянув на сестру, он криво улыбнулся. – У нас не найдется пары костылей?

– Они там, где ты их оставил после автомобильной аварии. – Джейн Элен жестом фокусника вытащила из дальнего угла стенного шкафа алюминиевые костыли.

– Заодно прихвати для меня рубашку, – попросил Кей. – Со своей мне пришлось расстаться вчера вечером.

Он предпочел не отвечать на ее вопросительный взгляд, и Джейн Элен молча подала ему простую хлопчатобумажную рубашку, от которой исходил легкий запах нафталина.

Опираясь на мягкие поручни костылей, Кей кивнул на дверь:

– Пойдем.

– Ты очень бледный. Ты сможешь передвигаться?

– С трудом. Но я не хочу, чтобы Джоди ждала.

Когда Кей, ковыляя, вошел в кухню, Джоди уже восседала за столом и курила, отхлебывая кофе. Джейн Элен незаметно проскользнула вслед за братом и принялась готовить завтрак. Кей сел за стол напротив матери, прислонив рядом костыли. Он чувствовал, что мать внимательно разглядывает его небритое лицо и всклокоченные волосы.

Джоди, как всегда, представляла собой образец аккуратности, но ее нельзя было назвать привлекательной женщиной. Техасское солнце высушило и покрыло морщинами и коричневыми пятнами ее кожу. Презирая кокетство, она делала единственную уступку моде: слегка припудривала лицо самой дешевой пудрой. Всю свою сознательную жизнь она раз в неделю посещала парикмахерскую, чтобы вымыть и уложить волосы, но лишь потому, что не желала

этим заниматься сама. Чтобы ее короткие седые волосы высохли, требовалось не более двадцати минут. За эти двадцать минут маникюрша подравнивала и полировала ее короткие квадратные ногти. Джоди никогда не красила их.

Платье она надевала только в церковь, по воскресеньям и в тех случаях, когда этого требовали особые обстоятельства. Сегодня на миссис Такетт была сильно накрахмаленная клетчатая хлопчатобумажная блузка и брюки – разумеется, все отменно отглаженное.

Джоди затушила сигарету и грозным тоном обратилась к Кею:

– Так что ты натворил на этот раз?

Ее слова звучали обличительно, подчеркивая, что Кей сам виноват в своем несчастье. В данном случае она не ошибалась, но, если бы сын стал жертвой несправедливой судьбы, приговор Джоди не изменился бы: Кей *всегда* сам виноват в своих бедах.

Когда он свалился с орехового дерева, на которое они влезли вместе с Кларком, Джоди объявила, что сломанная ключица – заслуженное наказание за подобную шалость. Когда в бейсбольном матче ему досталось битой по голове и он получил сотрясение мозга, от матери он заработал выговор за непростительное ротозейство. Когда лошадь отдавила ему ногу, Джоди обвинила Кея в том, что он испугал бедное животное. Когда же в День независимости у него в руке взорвалась петарда и сильно поранила палец, Кей был наказан за проступок, а Кларк – нет, избежал наказания, хотя поджигал петарды вместе с братом.

Все же однажды гнев Джоди оказался вполне оправданным. Если бы Кей не был так сильно пьян, если бы он не мчался со скоростью девяносто пять миль по темной узкой дороге, возможно, он сумел бы благополучно пройти тот поворот, не врезался бы в дерево и оправдал бы надежды матери, став защитником в команде Национальной футбольной лиги. Она никогда не простила ему того, что он спутал ее планы.

Опыт подсказывал ему, что рассчитывать на материнское сочувствие не приходится. Но ее придирчивый тон вывел Кея из себя. Впрочем, обострять отношения ему не хотелось.

– Я растянул связки.

– А это что? – не унималась она, указывая чашкой с кофе на повязку на его теле.

– Акула укусила. – Он лукаво подмигнул сестре.

– Не заговаривай мне зубы! – Джоди немедленно сорвалась на крик, напоминающий удар бича.

«Ну вот, *началось,* – уныло подумал Кей, – *разве я этого хотел?»*

– Это пустяк, Джоди. Сущий пустяк, – сказал он.

Джейн Элен поставила перед ним чашку дымящегося кофе.

– Спасибо, сестренка. Мне больше ничего не надо.

– Разве ты не хочешь что-нибудь съесть?

– Нет, спасибо. Я не голоден.

Она скрыла разочарование робкой улыбкой, от которой у него сжалось сердце. Бедняжка Джейн Элен. Ей всякий раз приходилось терпеть выходки Джоди. Мать обладала сверхъестественным талантом превращать любой вопрос в расследование, любое замечание в критику, любой взгляд в осуждение. Как Джейн Элен изо дня в день сносит эту нетерпимость? И ради чего? Почему она не подыщет себе достойного человека и не выйдет замуж? И наплевать, если она в него не влюблена. Все лучше, чем жить в одном доме с Джоди.

Но при всем этом Джоди не придиралась так к Джейн Элен, как она придиралась к нему. Да и с Кларком она вела себя по-другому. Видно, Кей обладал особым даром разжигать гнев матери. Он оказался точной копией своего отца, Кларка Младшего, а тот досаждал Джоди до самой своей смерти. Она не пролила на его похоронах ни единой слезинки. Наверное, в этом все дело.

А вот Кей плакал. Он никогда не плакал ни прежде, ни потом, но у могилы Кларка Младшего заливался слезами, и не потому, что отец был таким уж внимательным родителем. Вос-

поминания Кея об отце в основном были связаны со сценами прощания, когда Кларк Младший куда-то отправлялся и сын чувствовал себя особенно одиноким и брошенным. Но если у Кея и остались какие-то редкие счастливые воспоминания детства, то этим он был обязан веселому и громогласному отцу, хохотавшему и рассказывавшему анекдоты и всегда собиравшему вокруг себя толпу поклонников его огромного обаяния.

Кею исполнилось всего девять лет, когда отец погиб, но с непонятной проницательностью, несвойственной ребенку, он осознал, что в этой могиле похоронена всякая надежда на любовь.

Словно прочитав его мысли, Джоди внезапно спросила:

– Ты что, приехал меня хоронить?

Кей удивленно взглянул на нее.

– Если это так, – добавила она, – то тебя ждет большое разочарование. Я пока не собираюсь умирать.

На ее лице был написан вызов, но Кей предпочел обратить вопрос в шутку.

– Рад это слышать, Джоди, а то мой черный костюм еще в чистке. Я вернулся домой, чтобы узнать, как вы тут поживаете.

– Прежде тебе было наплевать, как мы тут поживаем. С чего вдруг такое внимание?

Меньше всего Кею хотелось ввязываться в ссору с матерью. В это утро он находился не в лучшей физической форме, а Джоди всегда умела разрушить его душевный покой. Она могла погасить любую шутку, распространяя вокруг себя атмосферу мрачной деловитости. Кей надеялся, что по крайней мере эта встреча пройдет гладко. Ему не хотелось добавлять огорчений и без того настрадавшейся сестре. Но у Джоди на этот счет имелись другие планы.

– Я здесь родился, – сдерживаясь, произнес Кей. – Это мой родной дом. Или он был моим родным домом? Вы больше не хотите меня здесь видеть?

– Не говори глупости, мы тебе всегда рады, – поспешила заверить Джейн Элен. – Мама, тебе что – бекон или сосиску?

– Все равно. – Джоди раздраженно отмахнулась, словно от мухи. Зажигая новую сигарету, она спросила Кея: – Где ты был все это время?

– Последние месяцы в Саудовской Аравии. – Он пил кофе и пересказывал Джоди все то, о чем уже знала Джейн Элен. Разумеется, он не сообщил, что вернулся домой все-таки по вызову сестры. – Я перевозил спецотряды по тушению горящих скважин. Иногда продовольствие и снаряжение, случалось перебрасывать больных. Но там завершают работы, а у меня нет нового контракта, поэтому я решил немного отдохнуть дома. Вы, наверное, не поверите, но я стал скучать по Иден-Пасс. Я не был здесь уже больше года, с тех пор как похоронили Кларка. – Он снова отпил кофе. Прошло несколько секунд, прежде чем Кей заметил, что Джейн Элен замерла на месте, как ночное животное, попавшее в свет фар, и что Джоди нахмурилась. Медленно он поставил чашку на блюдце. – В чем дело?

– Ничего, ничего, – торопливо проговорила Джейн Элен. – Хочешь еще кофе?

– Хочу, я себе сам налью. У тебя, кажется, бекон подгорает.

От сковородки шел дым.

Кей доковылял до кофеварки и наполнил свою чашку. Ему была очень нужна таблетка болеутоляющего, но он оставил лекарство у себя в комнате наверху. Несмотря на предупреждение врача, он запил две таблетки стаканом виски, прежде чем ложиться спать. Этого ему хватило до утра.

Теперь боль возвратилась. Он пожалел, что не сообразил взять в кладовой бутылку бренди и добавить хорошую порцию в кофе. Правда, это дало бы Джоди лишний повод попилить его. Придется терпеть пульсирующую боль в боку и особенно в распухшей правой лодыжке, которая причиняла ему столько неудобств.

Как Кей ни бодрился, но, хромая до своего стула, невольно сжал челюсти.

– Может, ты нам откроешь, где тебя так отделали? – спросила Джоди.

– Не стоит.

– Я не люблю тайн.

– Поверь мне, лучше тебе не знать.

– В этом-то я не сомневаюсь, – заметила Джоди ядовито. – Просто я не хочу узнать все отвратительные подробности со стороны.

– Не беспокойся. Это тебя не коснется.

– Ну конечно! В городе моментально пронюхают, что сразу по приезде ты угодил в больницу.

– Я не был в больнице. Я зашел к доку Паттону и обнаружил там докторшу, хорошенькую, как картинка, – сообщил он, широко улыбаясь. – Она сделала мне перевязку.

Джейн Элен с грохотом уронила металлическую лопаточку на плиту. Сначала Кей подумал, что горячий жир со сковородки брызнул ей на руку. Потом он заметил жестокое и неумолимое лицо Джоди и понял, что она в бешенстве. Он слишком часто видел ее в таком состоянии, чтобы ошибаться.

– Что происходит? Что вы смотрите на меня так, будто я помочился на могилу?

– Так оно и есть! – Ярость и гнев звучали в тихих словах Джоди. – Ты только что плюнул на могилу своего брата.

– О чем, черт побери, идет речь?

– Кей…

– Твоя докторша! – взорвалась Джоди, перебивая Джейн Элен и ударив кулаком по столу. – Ты что – не заметил, какая у нее фамилия?

Кей постарался припомнить. Он не так уж сильно пострадал, чтобы не заметить некоторые детали: например, ее серые глаза, красивый беспорядок волос и длинные стройные ноги. Он даже запомнил, каким лаком покрыты ногти у нее на ногах, и запах ее духов. Он вспомнил все эти весьма личные подробности, но имя? Бог знает, как ее там зовут. Почему это интересует Джоди и Джейн Элен? Если только они не настроены против всех женщин-врачей сразу. Ну Джоди слегка тронулась, и ей простительно, а Джейн Элен вполне нормальна. Хотя… Боже!..

Кей почувствовал, как у него похолодела спина. Господи, не может быть.

– Как ее имя?

Джоди молча с ненавистью смотрела на него. Он повернулся к Джейн Элен. Она нервно теребила чайное полотенце, и каждая ее черта выражала отчаяние.

– Лаура Маллори, под таким именем она практикует, – прошептала она. – А по мужу она…

– Лаура Портер, – закончил за нее Кей безжизненным голосом и тоже почти шепотом.

Джейн Элен кивнула.

– Вот это номер. – Он прикрыл глаза сжатыми кулаками и мысленно постарался себе представить женщину, с которой познакомился прошлой ночью. Она ничем не походила на ту развязную красотку, какую он видел на газетных фотографиях. Ни спокойная манера держаться, ни ее прямота в разговоре не соответствовали представлению, сложившемуся у него о Лауре Портер, женщине, погубившей брата, женщине, которая, как утверждали некоторые политические аналитики, изменила ход американской истории.

Наконец Кей отвел руки от лица и беспомощно и виновато пожал плечами.

– Откуда мне было знать. Она не представилась, а я не спрашивал. Я ее не узнал, хотя видел на снимках. Ведь все это случилось… сколько там? Пять-шесть лет назад. – Он презирал себя за сбивчивые оправдания, сознавая, что ничего не поправить и что Джоди не простит ему ошибку. Единственным выходом было переменить тему: – А что, собственно, эта Лаура Портер делает в Иден-Пасс?

– Какая разница, – оборвала его Джоди. – Она здесь, и все тут. И ты должен держаться от нее подальше! Она еще уберется отсюда, поджав хвост и по-тихому, так же как она сюда пробралась. Уж об этом я позабочусь. А пока мы, Такетты, и все, кто хочет оставаться с нами в хороших отношениях, должны ее игнорировать, другого она не заслуживает. И ты тоже. Это *особенно* касается тебя. – Джоди размахивала сигаретой, подчеркивая сказанное. – Бегай за любой потаскухой, Кей, все равно тебя не остановишь. А эту оставь в покое.

Кей немедленно занял оборонительную позицию и заговорил на повышенных тонах:

– Что ты на меня орешь? Разве это меня на ней поймали, а не Кларка?

Джоди медленно поднялась на ноги и, опершись на стол, обрушилась на младшего сына через баррикаду из посуды и бутылок с кетчупом.

– Как ты смеешь так говорить о нем! Есть ли у тебя хоть капля совести, хоть какое-то уважение к брату?

– К *Кларку*! – выкрикнул Кей, тоже поднявшись на ноги и перегнувшись через стол к матери. – Его звали Кларком, так почему ты не называешь его имени, разве это уважение?

– Очень больно говорить о нем, Кей.

– Почему? – Он резко повернулся к Джейн Элен, робко вставившей это замечание.

– Наверное, потому… что его смерть была такой преждевременной. И трагичной…

– Все равно. Это не значит, что мы должны его вычеркнуть из нашей жизни. – Он опять повернулся к Джоди. – Когда отец был жив, он старался, чтобы мы с Кларком дружили. Вы знаете, какими разными мы были с Кларком во всем, но он был моим братом. Я его любил. Я горевал после его смерти. И я отказываюсь притворяться, что он никогда не существовал, только для того, чтобы вас не волновать.

– Ты недостоин произносить имя своего брата.

Это был удар ниже пояса. Даже теперь Кей испытывал боль, когда Джоди говорила подобные вещи. Она загнала его в угол, и ему ничего не оставалось, как наносить ответные удары.

– Если бы он был таким святым, каким ты пытаешься его представить, Джоди, мы бы сейчас не устраивали эту битву. Мы бы никогда не слыхали о Лауре Портер. О нас бы не понаписали столько пакостей в газетах. Мы бы не испытали позора. А Кларк оставался бы любимцем Капитолийского холма.

– Заткнись!

– С удовольствием. – Он подхватил костыли и заковылял к задней двери.

– Кей, ты куда? – перепугалась Джейн Элен.

– У меня назначена встреча с докторшей.

Он с вызовом посмотрел на Джоди и хлопнул дверью.

Лаура провела беспокойную ночь. Даже при самых благоприятных обстоятельствах она не принадлежала к числу тех, кто погружается в сон, чуть прикоснувшись к подушке. Если ей и удавалось заснуть сравнительно быстро, то ее мучили кошмары, и, проснувшись, она подолгу лежала, глядя в потолок. Тоска стала причиной ее частых бессонниц.

Встреча с Кеем Такеттом совсем лишила ее сна. Она встала с сильной головной болью. Пудра и крем не могли скрыть темные круги под глазами. Две чашки крепкого черного кофе слегка взбодрили ее, но не избавили от беспокойных мыслей о ночном посетителе.

Лаура не могла себе представить, что может найтись мужчина столь же привлекательный, как Кларк Такетт, но Кей это опроверг. Одно несомненно: братья были совершенно разными людьми. Кларк был аккуратен и начищен до блеска, словно морской пехотинец на параде. Его белокурые волосы всегда лежали волосок к волоску. Его безупречно сшитый костюм был всегда хорошо отглажен, ботинки начищены до зеркального блеска. Он был олицетворением симпатичного и открытого молодого американца, своего парня, за которого любая американская мать с легким сердцем отдаст замуж любимую дочь.

Кей, напротив, представлял собой тот тип мужчин, от которого дочерей предпочитали прятать. Красота его была совсем иной, он отличался от Кларка, как уличный хулиган отличается от пай-мальчика.

Кей – профессиональный летчик, и Кларк говорил, что брат управляет самолетом скорее по наитию и догадке, чем полагаясь на свои знания и показания приборов. Кларк хвастался, что нет такого типа самолета, который не мог бы пилотировать его брат, но Кей предпочитал работу по временному контракту службе в авиакомпании.

«Там слишком много правил и предписаний, – говорил о младшем брате Кларк, улыбаясь снисходительной ласковой улыбкой. – Кей любит отвечать только за самого себя».

После того как Лаура увидела Кея Такетта и на себе испытала воздействие его лукавой усмешки, она не могла вообразить его в строгой форме капитана воздушного лайнера, приятным голосом сообщающего пассажирам о погодных условиях в пункте назначения.

От долгого пребывания в залитой солнцем кабине самолета у Кея вокруг глаз, таких же синих, как у Кларка, образовались морщинки, придававшие ему особую привлекательность. Только Кларк был светловолос, а у Кея волосы темные, такие же непокорные, как и он сам. И в прямом, и в переносном смысле он оказался паршивой черной овцой своей семьи. Кларк был всегда отлично выбрит. Кей не брился по нескольку дней. Как это ни странно, но щетина на щеках не уменьшала, а, напротив, усиливала его притягательность.

Что и говорить, семейство Такетт выдало миру великолепных сыновей, являющих собой две стороны человеческой натуры. Цивилизованный лоск Кларка уравновешивался дикой необузданностью Кея, который охотно выражал свои чувства тем же почти звериным рыком, что и его далекий предок, живущий в пещерах.

– Доброе утро.

Лаура вздрогнула, как если бы ее застали врасплох.

– Это вы, Нэнси, доброе утро. Я не слышала, как вы вошли.

– Оно и видно. Витаете мысленно где-то далеко отсюда. – Сестра, она же и регистратор, спрятала сумку в шкаф и надела голубой халат.

– Интересно, куда делся телефон?

Нэнси вошла через заднюю дверь и теперь стояла рядом с Лаурой в небольшом помещении, где они держали медикаменты, а также кое-какие съестные припасы.

– Он часто ломался, я решила купить новый.

Поскольку Лаура еще не определила своего отношения к визиту Кея Такетта, она не хотела обсуждать этот вопрос с Нэнси.

– Хотите кофе? – Лаура взяла кофейник.

– Не откажусь. – Нэнси добавила две ложки сахара в дымящуюся кружку, которую ей подала Лаура. – А пончики еще остались?

– Они в шкафу. Я думала, вы на диете.

Нэнси Бейкер достала из шкафа пончики и мгновенно проглотила один, с удовольствием облизала пальцы, выпачканные сахарной глазурью.

– Я бросила все эти глупости, – объявила она без сожаления. – Мне некогда считать калории. Просиди я на диете хоть до Страшного суда, все равно не стану изящней. Кроме того, Клему я так больше нравлюсь. Он говорит, что это придает особый вкус любви.

Улыбаясь, Лаура спросила:

– Как вы провели выходной?

– Неплохо, – отозвалась Нэнси, вытирая губы. – Не могу пожаловаться. У собаки течка, а маленький Клем вытащил откуда-то балетные туфли сестры, надел их не на ту ногу и проходил так весь день. Мы пробовали их отобрать, но он поднял такой крик, что пришлось оставить его в покое, пусть ходит, если ему охота. Зато в семье мир.

Нэнси всегда приносила с собой истории о своем беспорядочном домашнем хозяйстве. Она добродушно сокрушалась о сумасшедшей жизни, где все вращалось вокруг троих полных энергии детей, которые все, без исключения, переживали «тяжелый период». Но вряд ли она хотела променять эту жизнь на какую-нибудь другую.

Нэнси откликнулась на объявление, помещенное Лаурой в местной газете, и после собеседования была принята на работу, отчасти потому, что оказалась единственной кандидатурой. Нэнси была опытной медсестрой, оставившей работу, когда два года назад у нее родился маленький Клем.

– Время приучать его к горшку, – объявила она Лауре, когда пришла наниматься. – Значит, мне пора возвращаться на работу, пусть этим добрым делом займется моя свекровь, бабушка Бейкер.

Лаура сразу полюбила Нэнси и даже немного ей завидовала. В жизни Лауры тоже царил полный беспорядок, только это была не та сумасшедшая счастливая суета, которая заполняла всякий день Нэнси. Хаос менял весь ход жизни Лауры и оставлял незаживающие ссадины и раны. Ее бедам не было видно конца.

– Если бы не Клем, – продолжала Нэнси, покончив со вторым пончиком, – я бы однажды прибила собаку, а заодно и детей, а потом бы рвала на себе волосы. Но он пришел с работы и настоял, чтобы мы отвезли детей к бабушке, а сами вдвоем пошли в ресторан. Мы поужинали в «Молочной ферме», так наелись, что чуть не лопнули, было очень вкусно. А когда маленький Клем заснул, я спрятала подальше туфли, чтобы он их сегодня не нашел. Утром большой Клем отвез собаку к ветеринару, там ей подыщут кобеля или накормят таблетками. Кстати, если они найдут кобеля, хотите, я вам подарю щеночка?

– Нет уж, спасибо, – рассмеялась Лаура.

– Я вас понимаю. Боюсь, что у меня останется весь помет. – Она вымыла руки дезинфицирующим раствором. – Сейчас проверю, кто у нас на сегодня записан.

Обе знали, что в книге записей преобладают пустые графы. Уже полгода, как Лаура поселилась в Иден-Пасс, но у нее все еще не хватало пациентов. Если бы не сбережения, она давным-давно прекратила бы практику.

Но на первом месте перед финансовыми соображениями стояли соображения профессиональные. Она – хороший врач. Она хотела лечить…

Сама Лаура вряд ли остановила бы свой выбор на Иден-Пасс.

Это за нее сделали другие.

Практика в Иден-Пасс явилась неожиданным подарком, на который она не рассчитывала, и, надо признать, это облегчало выполнение задуманного ею плана. Она вынашивала его уже некоторое время. Кей Такетт был составной частью ее замысла. А если уж совсем честно, он был его основой. Только на этого человека, которого так хорошо описал ей Кларк, она могла опереться в своем безумном предприятии.

Что греха таить, Лаура понимала, что ее приезд сюда – это вызов общественному мнению, потому что с самого начала она была отверженной и носила клеймо женщины, опозорившей себя с Кларком Такеттом. Всем в его родном городе известно, что она собой представляет. Вот почему никто не ожидал ее появления в Иден-Пасс. Лаура надеялась, что, как только местные жители оправятся от первоначального шока, то поймут, что она опытный врач, и позабудут о прошлом скандале. Конечно, не один год потребуется доктору Лауре Маллори, чтобы завоевать обитателей Иден-Пасс, их доверие и сердца, принадлежавшие доку Паттону.

К сожалению, она недооценила поразительное влияние, оказываемое Джоди Такетт на местное общество. И хотя они никогда лично не встречались, мать Кларка последовательно и упорно разрушала все попытки Лауры добиться успеха.

Однажды, когда Лаура чувствовала себя особенно несчастной, она заговорила об этом с Нэнси.

– Наверное, не секрет, отчего люди в Иден-Пасс готовы проехать двадцать миль до соседнего города, чтобы пойти к врачу.

– Какой уж там секрет, – откликнулась Нэнси. – Джоди Такетт объявила, что, если кто посмеет приблизиться к вашей двери, будь он даже при смерти, попадет в ее черный список.

– Это все из-за Кларка?

– Конечно. Всем в городе известны подробности вашего с ним романа. После смерти Кларка об этом стали уже забывать. А когда вы тут появились, Джоди взбесилась от злости и поклялась, что вам несдобровать.

– Тогда почему вы у меня работаете?

Нэнси глубоко вздохнула.

– Мой отец двадцать пять лет работал обходчиком в «Нефтяной и газовой компании Такетт». Это было очень давно, когда Кларк Старший был еще хоть куда. – Она остановилась. – Вы ведь знаете, что Кларк, ваш Кларк, был третьим по счету Кларком Такеттом? Кларк Старший был его дедушкой, а Кларк Младший отцом.

– Он мне об этом говорил.

– Ну вот, – возобновила рассказ Нэнси. – На одной из скважин произошла авария, и мой отец погиб.

– Компания взяла на себя вину?

– Они сделали все, чтобы по закону к ним нельзя было придраться. Мама получила сполна причитающуюся ей страховку. Но никто из Такеттов не пришел на похороны. Никто не позвонил. Они прислали венок из хризантем, но никто из них не снизошел до того, чтобы навестить маму и выразить ей соболезнование. Смерть отца прошла незамеченной, он был всего-навсего песчинкой в потоке их вонючей нефти, но отец был преданным, честным работником. С тех пор я ни во что не ставлю всех Такеттов, особенно Джоди.

– Почему Джоди?

– Да потому, что она вышла замуж за деньги Кларка Младшего. – Нэнси передвинулась на самый кончик стула. – Видите ли, Кларк Старший занимался здесь разведкой в самый разгар нефтяного бума. Он сразу наткнулся на богатое месторождение и заработал кучу денег чуть ли не за одну неделю. Они и дальше текли к нему рекой. Затем появился Кларк Младший. Он в жизни ставил себе одну задачу: хорошенько погулять и промотать побольше отцовских денег. – Нэнси вздохнула, вспоминая: – Это был самый красивый мужчина, которого я когда-нибудь видела. Женщины всей округи оплакивали его смерть. Но только не Джоди. Когда он умер, она наконец получила то, чего добивалась.

– «Нефтяную компанию Такетт»?

– Полный контроль над ней. К тому времени Кларк Старший был уже в могиле. И когда Кларк Младший сломал себе шею где-то в Гималаях, Джоди засучила рукава и по-настоящему взялась за дело. Она дождалась своего часа.

Нэнси не надо было выспрашивать.

– Джоди палец в рот не клади. Она из бедной фермерской семьи. Торнадо разрушил их дом. Вся семья погибла, спаслась только Джоди. Ее взяла к себе одна вдовая родственница, она ее и вырастила. Джоди оказалась девушкой умной и получила стипендию в Техасском технологическом. Сразу после университета она стала работать у Кларка Старшего агентом по аренде и покупке земельных участков и заключала для «Компании» самые выгодные сделки даже в те времена, когда, по общему мнению, в Восточном Техасе уже разведали всю нефть. Кларк Старший симпатизировал Джоди. Она была надежной, упорной, честолюбивой, одним словом, полной противоположностью его сыну. Мне кажется, что Кларк Старший сам устроил их брак.

– Каким образом?

– Говорят, что беспечный отпрыск сделал ребенка молоденькой девушке в Форт-Уэрте. Ее папочка оказался обыкновенным сутенером. Кларк Старший не пожелал связываться с таким семейством и поспешил женить сына на Джоди. Не знаю, правда ли это, но все может быть. Кларк Младший любил веселую жизнь. Он мог выбирать из множества женщин. Почему он согласился жениться на Джоди и связать себя по рукам и ногам на всю жизнь? Наверное, потому, что хотел выпутаться из той грязной истории.

Как бы там ни было, они поженились. Кларк Третий появился у них очень поздно. Злые языки говорили, что у Кларка Младшего на Джоди не стоит, она и верно не была красавицей и всячески это подчеркивала. Наверное, думала, что ум и красота – это две несовместимые вещи.

– А как она смотрела на то, что муж гуляет на стороне?

Нэнси пожала плечами:

– Если ей это и не нравилось, Джоди хорошо скрывала свои чувства. Она не обращала внимания на его измены, а все свои силы отдавала «Компании». Пожалуй, ее больше интересовали цены на нефть, чем его штучки. Если бы он руководил делом, «Компания Такетт» давно бы прогорела. Джоди процветала, когда другие разорялись. Если речь идет о «Компании», лучше не становиться у нее на пути.

– Я это уже испытала на себе, только в другой области, – заметила Лаура.

– Вам лучше знать, почему так получилось. – Нэнси наклонилась вперед и понизила голос, хотя никто не мог их подслушать: – У Джоди была лишь одна слабость – Кларк. Его она любила больше своей «Компании». Похоже, он никогда не шел против ее воли. В общем, она продумала за него все его будущее, включая место в Белом доме. Она не может вам простить, что вы погубили ее мечту.

– Не только она, но и некоторые другие.

Немного подумав, Нэнси добавила:

– Берегитесь, доктор Маллори. У Джоди есть деньги и власть, и у нее есть причина вас ненавидеть. Она опасна. – Нэнси похлопала Лауру по руке. – Что касается меня, то я на стороне всякого, кто у нее в немилости.

Нэнси находилась явно в меньшинстве. Прошло несколько месяцев после того разговора, но число пациентов у Лауры нисколько не увеличилось. Лишь немногие в Иден-Пасс рискнули навлечь на себя гнев Джоди, пользуясь услугами нового врача. По иронии судьбы одним из них теперь оказался ее собственный сын.

Кей Такетт уже наверняка понял допущенную ошибку. Лаура могла представить, с какой ненавистью они ее поносили в доме Такеттов.

Что ж, пусть проклинают. Она приехала в Иден-Пасс с одной-единственной целью, и этой целью не было завоевание благосклонности семьи Такетт. Ей необходимо нечто иное, но уж никак не их одобрение.

Когда наступит время потребовать от них причитающийся ей долг, Лауре будет безразлично, симпатична она им или нет.

Можно сказать, что в это утро было много работы. До двенадцати Лауре необходимо принять пять пациентов. Первой оказалась пожилая женщина, обрушившая на врача поток жалоб. Во время осмотра Лаура выяснила, что женщина здоровей многих молодых, просто чувствует себя одинокой. Лаура прописала ей витамины, а также посоветовала пациентке посещать спортивную группу при методистской церкви.

Нэнси ввела следующего больного, трехлетнего малыша, капризничавшего оттого, что у него болело ухо и поднялась температура. Лаура расспрашивала о болезни его расстроенную мать, когда из приемной донеслись какие-то звуки. Лаура извинилась и поспешила на шум.

– Нэнси, в чем дело? – крикнула она еще в коридоре.

Но вместо Нэнси в дверях приемной с грохотом появился Кей Такетт. Вне себя от бешенства, он стремительно двигался к ней навстречу.

Кей буквально налетел на Лауру, но она не отступила.

– Вы назначены на вторую половину дня, мистер Такетт.

Мать ребенка последовала за Лаурой и остановилась за ее спиной. Ребенок оглушительно вопил. Нэнси поспешила на помощь и оказалась позади Кея. Лаура почувствовала, что попала в ловушку.

– Почему ночью вы мне сразу не сказали, кто вы такая?

Не обращая внимания на его слова, Лаура продолжала:

– Вы видите, что сейчас я очень занята. Меня ждут пациенты. Если вам необходимо что-то обсудить со мной, пожалуйста, запишитесь у сестры.

– Мне действительно необходимо кое-что обсудить с вами. – Капли пота скатывались у него со лба, лицо побледнело. Все говорило о том, что он страдает от сильной боли.

– Вам лучше сесть, мистер Такетт. Вы ослабли, в таком состоянии вы…

– Хватит с меня медицинской хреновины! – закричал он. – Почему вы не сказали, что вы та самая шлюха, которая погубила моего брата?

4

Грубые слова хлестнули ее, как пощечина. Голова закружилась, Лаура глубоко вздохнула и задержала дыхание. Пол и стены коридора опасно накренились. Лаура оперлась о стену.

Нэнси обошла Кея и встала перед ним.

– Послушай, Кей Такетт, ты не имеешь права врываться к доктору и устраивать скандал.

– Я с удовольствием поболтал бы с тобой, Нэнси, вспомнил бы старые времена, только я пришел сюда не за этим, а чтобы увидеть этого доктора. – Последнее слово прозвучало как ругательство.

К Лауре уже вернулось самообладание. Она попросила Нэнси:

– Пожалуйста, позаботьтесь о миссис Адамс и Стиви. Я займусь ими, как только освобожусь.

Нэнси некоторое время колебалась, но, бросив грозный взгляд на Кея, увела миссис Адамс обратно в кабинет и громко захлопнула за собой дверь.

Лаура обратилась к любопытствующим пациентам, выглядывавшим из дверей приемной.

– Прошу вас, сядьте, – произнесла она по возможности спокойным тоном. – У нас произошло некоторое нарушение распорядка. Вы видите, что мистер Такетт болен и нуждается в срочной медицинской помощи, как только ему ее окажут, он уйдет.

– Это мы еще посмотрим.

Пациенты, ожидавшие своей очереди, в недоумении посмотрели на Лауру.

– Я приму вас, когда освобожусь, – снова повторила она. Затем, повернувшись к Кею, сказала: – Пройдемте в другую комнату.

Как только дверь за ними закрылась, Лаура дала волю своему гневу:

– Как вы смеете говорить со мной таким тоном при пациентах! Я могла бы вызвать полицию.

– Вы не сказали мне, кто вы такая! – упрямо повторял Кей.

– А вы меня и не спрашивали. И сами представились, уже уходя.

– Теперь-то вы знаете, что я Такетт! – заявил он таким тоном, как будто перед ней стоял сам господь бог.

– Да, я вижу и ничуть этому не удивляюсь. Наглость всегда была вашей семейной чертой.

– Плевать! Речь идет о вас. Что вы, черт побери, делаете в нашем городе?!

– Вот даже как? В *вашем* городе? Странно слышать это от человека, который здесь почти не бывает. Кларк мне говорил, что вы редкий гость в Иден-Пасс. Чему мы обязаны этим визитом?

Он сделал угрожающий шаг вперед.

– Я уже сказал вам, чтобы вы прекратили нести эту хреновину. Я сюда пришел не за тем, чтобы состязаться с вами в красноречии, так что давайте не отвлекаться от темы.

– Какой темы?

– Что вы, черт побери, здесь делаете? – выкрикнул он.

Внезапно отворилась дверь, и Нэнси просунула внутрь голову.

– Доктор Маллори! Я вам нужна?

Он остался на месте, ни единым взглядом или движением не показав, что видит или слышит Нэнси.

Подсознательно Лаура уже заранее готовилась к этому столкновению и не удивилась шумному появлению Кея. Ссора стала неизбежной, и она решила объясниться с ним до конца.

Она повернулась к сестре.

– Нет, благодарю вас, Нэнси. Успокойте пациентов, скажите, что я скоро освобожусь. – Затем, взглянув на искаженное от ярости лицо Кея, добавила: – Я попытаюсь уговорить мистера Такетта держать себя в руках.

Нэнси явно сомневалась в возможностях Лауры, но подчинилась.

– Прошу вас сесть, мистер Такетт. Как вы себя чувствуете? Вы очень бледны.

– Я чувствую себя прекрасно.

– Что-то не верится. Вы еле держитесь на ногах.

– Я вам сказал, что чувствую себя прекрасно! – повторил он запальчиво, вновь повышая голос.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Но я думаю, что ни вы, ни я не хотим, чтобы нас слышали другие. Не могли бы вы говорить потише?

Опираясь на костыли, он наклонился вперед, так, что его лицо почти касалось лица Лауры.

– Не хотите, чтобы нас слышали, а то узнают, что муж поймал вас голенькой в постели с моим братом?

Сколько раз ей бросали эти обвинения, и все равно яд по-прежнему проникал глубоко в рану, а у нее не находилось противоядия. Шли годы, но рана оставалась открытой.

Повернувшись к Кею спиной, Лаура подошла к окну и посмотрела на покрытый гравием двор. Одна из пациенток, что ждала в приемной, садилась в машину, всем своим видом выражая смущение, как если бы побывала в тайном притоне, где не место приличной женщине. Машина резко рванулась вперед.

Лаура наконец нашла ответ.

– Я хочу начать жить нормальной жизнью и навсегда позабыть о случае с вашим братом.

Она вновь повернулась к нему лицом, чувствуя себя спокойней, когда их разделяло какое-то пространство, хотя по-прежнему испытывала страх. Этот тип так и не удосужился побриться и выглядел ужасно. Но более всего Лауру тревожила исходившая от него грубая сексуальность, она ощущала ее постоянно. И это как бы подтверждало его невысокое мнение о ней, с чем она никак не могла смириться.

Опустив взгляд, она спросила:

– Разве я не заслуживаю прощения, мистер Такетт? С тех пор прошло столько времени.

– Я знаю сколько. Пять лет. Все помнят, когда это случилось, потому что то утро, когда вас застукали с братом, стало началом его конца. Оно изменило всю его жизнь.

– Мою тоже!

– Еще бы! – презрительно фыркнул он. – С того утра вы стали самой роковой женщиной в стране.

– Я этого не хотела.

– Надо было раньше думать, до того, как вы пробрались в спальню Кларка. Боже мой, – сказал он, недоуменно качая головой. – Неужели вы не нашли ничего лучшего, чем изменять мужу, спящему в соседней комнате?

Лаура давно научилась скрывать свое душевное состояние, для нее это был вопрос выживания. В самый разгар той истории она жила стиснув зубы, с каменным лицом, чтобы никто не мог прочитать ее мысли и чувства. Пришло время снова надеть маску. А чтобы ее не выдал голос, она молчала.

– Есть кое-какие неясные детали, – продолжал Кей. – Может, вы мне прольете на них свет?

– Я не желаю говорить с вами об этом. Кроме того, меня ждут пациенты.

– А *я* что – не пациент? – Он прислонил костыли к краю письменного стола Лауры и стоял, опираясь на его крышку. – Рассчитываю получить от вас полное обслуживание.

Намек весьма прозрачный. Его насмешливая улыбка не оставляла в этом сомнения. Лаура молчала, никак не проявляя своих чувств.

– Давайте, док, заполните пробелы. Кларк накануне вечером устроил обед, верно я говорю?

Лаура упорно молчала.

– У меня сколько угодно времени, впереди целый день, – вкрадчиво предупредил он. – И никаких дел, разве только стараться не наступать на больную ногу. Мне все равно, где находиться – что здесь, что в другом месте. Нет разницы.

Можно, конечно, вызвать шерифа и потребовать убрать его отсюда, но он уже ее известил, что шериф Бакстер – старый друг их семьи. Это только ухудшило бы и без того серьезное положение. Тогда ради чего упрямиться? Ради того, чтобы спасти свою репутацию? Но свою репутацию она принесла в жертву много лет назад. С тех пор Лаура научилась проглатывать обиды.

– Кларк пригласил знакомых из Вашингтона провести вечер за городом, – начала она. – Мы с Рэндаллом были среди приглашенных.

– Но вы не впервые посещали Кларка в его загородном доме в Виргинии?

– Мы приезжали туда и раньше.

– Значит, вы знали расположение комнат?

– Да.

– А если говорить правду, вы не раз играли роль хозяйки на его приемах, так как Кларк не был женат.

– Я помогала ему организовать несколько обедов.

– Значит, вы часто бывали вместе.

– Естественно.

– Кларк был видным политиком. Поэтому любой прием, даже простая вечеринка, требовал планирования и тщательной подготовки.

– Разве я с вами спорю?

Его снисходительность бесила так же, как и его злобные обвинения. Лаура почувствовала, что с силой сжимает кулаки. Она заставила себя их разжать.

– Подготовка этих приемов, – продолжал он, – организация и все прочее, должно быть, отнимали у вас массу времени.

– Мне это нравилось. Я отдыхала от работы в больнице.

– Вот как. И пока вы двое, вы с Кларком, занимались подготовкой обедов и приемов, вы стали, как бы это выразиться, очень и очень близки.

– Да, – тихо подтвердила Лаура. – Ваш брат был обаятельной личностью. Он притягивал к себе людей. Ни прежде, ни теперь я не встречала подобного человека. Даже когда Кларк стоял неподвижно, чувствовалось, что в нем ключом бьет жизнь. Его многое интересовало, он был полон честолюбивых замыслов не только для себя, но для всей страны. Я прекрасно понимала, почему граждане Техаса избрали его в конгресс.

– Он тогда только что закончил юридический колледж, – продолжал Кей, хотя Лаура это знала. – Он пробыл всего один срок в палате представителей и решил выставить свою кандидатуру в сенат. Кларк победил противника с огромным перевесом голосов.

– Ваш брат обладал широким кругозором. Я часами могла слушать, как он развивает любую тему. Его воодушевление и убежденность заражали.

– Это уже похоже на любовь.

– Я не отрицаю, что мы были очень близки.

– Но вы были замужем.

– Рэндалл стал другом Кларка еще до того, как я вышла за него замуж. Именно Рэндалл познакомил нас.

– Вот оно наконец. – Кей поднял вверх указательный палец. – На сцене появляется муж. Избитая ситуация. Он всегда последним узнает, что жена наставила ему рога. Да еще с его лучшим другом. Разве у старины Рэндалла не возникали подозрения, когда вы настояли на том, чтобы остаться ночевать у Кларка, а не вернулись в Вашингтон вместе с другими гостями?

– Эта идея исходила от Кларка. Они с Рэндаллом собирались на следующий день играть в гольф. Смешно ехать в Вашингтон, а потом тут же возвращаться назад рано утром. Рэндалл согласился.

– Для вас это, должно быть, было весьма удобно. То, что муж помогал вашим планам. Интересно, а ему вы тоже дали, ну, чтобы он ничего не заподозрил?

Лаура изо всех сил ударила его по лицу. Пощечина оказалась неожиданностью не только для Кея, но и для нее самой. За всю жизнь Лаура никого ни разу не тронула пальцем. Ей и в голову не приходило, что она способна на это.

В основе ее воспитания лежало умение сдерживать себя. В родительском доме никто не смел давать волю чувствам. Громкий плач, хохот и любое необузданное проявление эмоций считалось абсолютно неприемлемым. Умение прятать свои чувства сослужило Лауре впоследствии хорошую службу.

Она не могла понять, каким образом Кею удалось вывести ее из равновесия, но это ему определенно удалось. Если бы не сильная боль в руке, она бы не поверила, что дала ему пощечину.

Внезапно, прежде чем она могла что-либо сообразить, он ухватил ее за запястье, подтянул к себе и завел руку ей за спину.

– Не вздумайте когда-нибудь повторить подобное со мной. – Он четко выговаривал слова, почти не разжимая стиснутых в узкую линию губ. Взгляд его был прямым и пронизывающим, как лазерный луч.

– Вы не можете так разговаривать со мной.

– Неужели? Это еще почему?

– Вы не имеете права меня судить.

– Имею, и еще какое. На земном шаре есть еще места, где за супружескую неверность женщин побивают камнями.

– Вы считаете, что если бы меня побили камнями, то мы были бы квиты? Поверьте мне, что расправа, учиненная прессой, столь же смертельна. – Она почувствовала, что у нее затекла рука, которую он продолжал сжимать. Она подвигала пальцами. – Вы делаете мне больно.

Он медленно отпустил Лауру и сделал шаг назад.

– Это у меня рефлекс.

Как ни странно, но ей показалось, что он искренне сожалеет, что причинил ей боль.

Он сморщился и схватился за бок.

– Вам плохо?

– Пустяки.

– Вам что-нибудь нужно?

– Нет.

Ее первым движением как врача было поддержать, оказать помощь. Но она не двинулась с места. Во-первых, ему не нужна ее забота. Во-вторых, и это самое главное, Лаура боялась к нему прикоснуться. Только теперь, когда он ее отпустил, она поняла, как близко он прижимал ее к себе.

Растирая кисть, чтобы восстановить кровообращение, она решила обратить все в шутку для его и своей собственной пользы.

– Я редко нападаю на своих пациентов.

Неуместная веселость не нашла отклика. Кей даже не улыбнулся. Он был занят тем, что напряженно изучал ее лицо.

– Ночью я вас не узнал, хотя видел ваши снимки в газетах, – заметил он. – В жизни вы выглядите по-другому.

– Я постарела на целых пять лет.

Он покачал головой.

– У вас другой цвет волос.

Лаура потрогала волосы.

– Я их больше не осветляю. Рэндаллу нравились блондинки.

– Вернемся к вашему мужу. Бедняга Рэндалл. Он себя чувствовал, наверное, как если бы из-под него вдруг выдернули табуретку? Непонятно, почему он с вами не расстался? – Опять в его голосе появились жесткие нотки сарказма. – Так вот, вы, законная венчанная жена Рэндалла Портера, очутились на обложке журнала «Нэшнл инкуайрер» в качестве замужней любовницы сенатора Кларка Такетта. И еще появились снимки, где Рэндалл вас увозил из коттеджа, причем в одной ночной рубашке.

– Не стоит напоминать. Я ничего не забыла.

– И как же поступает Рэндалл? – вопрошал он, словно не слыша ее слов. – Он ведь служит в госдепартаменте. Он дипломат. Он должен обладать особым умением ответить на любой вопрос. И что же? Разве он отрицает обвинения в ваш адрес? Нет. Разве он храбро выступает в защиту вашей чести? Нет. Разве он разоблачает вас как обманщицу и развратницу? Тоже нет. Разве он объявляет, что вы признали свой проступок и раскаялись, как подобает истинной христианке? Нет, ни в коем случае. Он запер рот на замок и ни словечка. Никаких заявлений до своего отъезда в эту банановую республику, куда он прихватил с собой и вас. «Мне нечего сказать» – это все, что репортеры из него вытянули. – Кей сочувственно покачал головой. – Действительно, что тут можно сказать, когда собственную жену поймали прямо под вашим носом в объятиях лучшего друга и их интрижка стала делом политической важности в национальном масштабе.

– Мне тоже нечего сказать. – Она решила, что будет держать себя в руках, как бы он ее ни провоцировал. – Меня не интересует ваше мнение, мистер Такетт. Более того, я не желаю с вами обсуждать моего мужа и нашу с ним личную жизнь. Но раз уж мы заговорили о трусости, то как насчет вашего брата? Он ведь тоже не выступил в защиту моего доброго имени.

Как и ее муж, Кларк предпочел не давать каких-либо объяснений.

Она одна должна была нести клеймо позора. Молчание Кларка и Рэндалла стало равносильно приговору и самым глубоким унижением, которому она подверглась в глазах всех и которое она все эти годы переживала в душе.

– Игра завершилась. Что еще он мог сделать?

– Кларк сумел сделать очень многое. Неужели вы считаете назначение Рэндалла в Монтесангре случайностью?

– Я никогда об этом не задумывался.

– Так задумайтесь теперь. Эта страна настоящий ад, – продолжала Лаура как можно убедительней. – Сточная яма. Грязная, прогнившая микроскопическая республика, где царят насилие и коррупция. В политическом отношении – пороховая бочка, вот-вот готовая взлететь на воздух. Рэндалл не сам сделал этот выбор, мистер Такетт. Он не просил назначить его в эту страну. Об этом позаботился ваш брат, – сказала она презрительно. – Чтобы замять скандал, он решил услать нас подальше.

– Как ему это удалось? Ведь из-за вас от него все отступились. Его друзья не выдержали испытания.

– Но в госдепартаменте нашлись люди, обязанные Кларку. Он к ним обратился – и пожалуйста, Рэндалла отправили в самый взрывоопасный район, который в то время существовал на земле. Вы помните библейскую историю о царе Давиде и Вирсавии?

– Помнится, царь Давид оставил Вирсавию при себе. А что стало с вами? – издевался он. – Кларк, должно быть, не так уж ценил вас. Видно, вы были никудышной любовницей.

Красные пятна возмущения вспыхнули у Лауры на щеках.

– После скандала у нас с Кларком не могло быть никакого будущего.

– Это у него не было будущего. Вы погубили его политическую карьеру. Он не посмел больше выставлять свою кандидатуру на выборах. Кларк понимал, что американцы сыты по горло политиками, скомпрометировавшими себя с потаскухами.

– Я не потаскуха.

– Принимаю это к сведению. Но вы от них недалеко ушли, – заметил он ядовито. – До вашего появления мой брат был баловнем столицы. А после случая в Виргинии он стал отверженным.

– А может быть, довольно лить слезы о «бедном Кларке»? Ваш брат знал, на что идет.

– И должен был отвечать за свои поступки, вы это хотите сказать?

– Совершенно точно.

– На какие такие любовные подвиги вы способны, что мужчина из-за вас готов позабыть о здравом смысле?

– Я оставлю ваш вопрос без ответа. Вы считаете, что Кларк оказался единственным пострадавшим в этой истории? – Лаура прижала руку к груди. – Я тоже пострадала. Пострадала моя карьера, для меня она тоже была важна.

– Но вы уехали из страны.

– Какая разница? Если бы я не уехала с Рэндаллом в Монтесангре, я все равно лишилась бы возможности работать в Вашингтоне. Я все еще мучилась бы в поисках места, если бы совесть не заставила Кларка купить для меня эту практику.

– Что? – Он рывком поднял голову.

Лаура глубоко вздохнула, невольно от удивления приоткрыв рот. Она видела, что его изумление неподдельно.

– Разве вы не знали?

Его брови сошлись над переносицей.

– Не могу поверить, – прошептала она. Внимательно наблюдая за ним, она продолжала: – Кларк купил этот дом и практику у доктора Паттона, когда тот ушел на пенсию, и завещал все это мне.

Несколько секунд Кей, раздумывая, смотрел на нее испытующим, пронизывающим взглядом, но она не опустила глаз. Растерянность и подозрительность вели в нем борьбу.

– Вы лжете.

– Вам незачем полагаться на мои слова. Есть официальные документы.

– Я присутствовал при чтении завещания Кларка. Вы в нем не упоминались. Я это хорошо помню.

– Он сделал дополнительное распоряжение к завещанию. Спросите вашу сестру. Вашу мать. Она не раз пыталась опротестовать законность моих прав, но Кларк позаботился о том, чтобы их нельзя было оспорить. – Лаура выпрямилась во весь рост. Неведение Кея давало ей явный перевес. – Я сама узнала об этом только после его смерти. Меня известил его адвокат. Я была ошеломлена, считала это ошибкой, потому что со времени скандала мы не поддерживали с Кларком никаких отношений.

– Вы думаете, я вам поверю?

– Мне наплевать, поверите вы или нет, – отрезала Лаура.

– Вот так просто, неизвестно из-за чего, брат покупает собственность стоимостью… тысяч в двести? И потом преподносит вам этот подарок. – Он недоверчиво хмыкнул. – Какая ерунда! Сознайтесь, вы его принудили.

– Я вам повторяю, что мы с ним не встречались и не говорили несколько лет. Зачем мне видеться с человеком, бросившим меня в тяжелую минуту, отправившим в изгнание, который пусть косвенно, но ответствен за смерть…

Она не могла больше говорить.

– В Монтесангре погибла моя дочь. – Она взяла со стола фотографию в рамке. Протянула руку, так чтобы фотография оказалась у него прямо перед глазами. – Знакомьтесь, это Эшли. Моя девочка. Она погибла мученической смертью за свою страну, как вы тут любите говорить.

Слезы слепили ей глаза, Лаура не видела лица Кея. Затем она резко отдернула руку и прижала фотографию к груди.

Кей негромко выругался. После долгой паузы он наконец заговорил:

– Я вам сочувствую. В то время я находился во Франции и узнал об этом из английской газеты.

– Да. А я все еще находилась в больнице в Майами, проходила курс лечения после того, что со мной случилось в Монтесангре. – Она поправила выбившуюся прядь волос и поставила фотографию обратно на стол. – Ваш брат не пытался со мной связаться, и я благодарна ему за это. Наверное, в тот момент я бы убила его на месте.

– Ваша ненависть к нему, однако, не помешала вам принять наследство.

– У меня не было другого выхода. Дурная слава шла за мной по пятам, мне всюду отказывали в работе. За все эти годы, после выхода из больницы, я не проработала долго ни на одном месте. Стоило только больничному начальству узнать, что я та самая Лаура Портер, как меня тут же изгоняли. Как бы хорошо я ни исполняла свои обязанности, меня все равно выставляли за дверь. Кларк, должно быть, знал об этом и считал своим долгом возместить мне хоть что-то. Он попытался обеспечить меня работой по специальности. Иначе зачем он купил практику вместе с домом? – Лаура задумчиво склонила голову набок. – Странно, что он утонул буквально через несколько дней после того, как сделал дополнительное распоряжение к завещанию.

Кей мгновенно занял оборонительную позицию. Она сразу это заметила, хотя он еще не успел заговорить.

– Что вы хотите сказать, черт побери?

– До вас наверняка дошли слухи, связанные со смертью Кларка. Поговаривали, что он покончил самоубийством.

– У вас в голове одно дерьмо, – злобно скривил он губы. – Как и у всех остальных, кто распространяет подобную чушь. Кларк поехал рыбачить на лодке. А что он не захотел надевать спасательный жилет, так это в его характере. Я и сам бы не надел эту штуку.

– Кларк отлично плавал.

– Да, – отрезал Кей. – Но там, должно быть, что-то случилось.

– Что же могло случиться? Спокойное озеро, подвесной мотор тоже в порядке. Лодка не перевернулась. Так что же могло случиться?

Он кусал губу, не находя ответа.

– Мой брат никогда не пошел бы на самоубийство. Мы также никогда не узнаем, какие причины заставили его преподнести вам этот подарок. Оставим это.

– Действительно. Главное, что теперь я здесь хозяйка.

– Что возвращает нас к первоначальному вопросу. Зачем вы сюда приехали? Иден-Пасс гордился Кларком. На вас здесь смотрят как на шлюху, погубившую его карьеру. Моя мать постарается, чтобы об этом не забыли.

Это никак нельзя было назвать благоприятным моментом для объявления настоящей причины ее приезда в Иден-Пасс. Следовало подождать, когда исчезнет их взаимная неприязнь, что весьма сомнительно. А пока безопасней поговорить о его матери.

– Я в этом уверена.

– Разве дом и практика, – он обвел рукой вокруг, – стоят таких неприятностей? Поверьте мне, Джоди умеет расправляться с врагами.

– Я хочу работать по своей специальности, мистер Такетт. Я хороший врач. Единственное, о чем я прошу, это чтобы мне не мешали.

– Что ж, вам придется нелегко, – констатировал он с нажимом. – Могу вас заверить, что адское пекло вам покажется пустяком по сравнению с Иден-Пасс.

– Могу я считать это угрозой?

– Я просто объясняю вам, как обстоят дела. Большинство жителей Иден-Пасс не решатся стать вашими пациентами, чтобы не обидеть Джоди. Слишком многие здешние семьи зарабатывают на жизнь в «Нефтяной компании Такетт». Они проедут сорок миль, чтобы получить консультацию в другом городе, но не переступят вашего порога. – Он усмехнулся. – Право, стоит посмотреть, как долго вы продержитесь, прежде чем соберете пожитки и отправитесь восвояси. А пока ждите настоящего светопреставления. Наверное, вас следует поблагодарить за то, что вы развеяли здешнюю скуку. – Он взял под мышку костыли и заковылял к выходу. У двери Кей обернулся и еще раз оглядел ее с ног до головы ленивым наглым взглядом. – Кларк очень сглупил, лишившись всего из-за женщины. Как видно, ваше единственное достоинство – это умение угождать в постели. Только стоит ли платить за это делом всей своей жизни. Определенно не стоит. – Он снова оглядел ее. – Вас даже нельзя назвать красивой.

Лаура подождала, пока за ним захлопнется входная дверь, потом села за письменный стол. Ноги не держали ее. Она оперлась локтями на стол и закрыла лицо руками. Ладони были холодные и влажные, а лицо и грудь горели огнем.

Опустив руки, Лаура посмотрела на фотографию Эшли. С грустной улыбкой она потянулась к ней, чтобы погладить дочь по пухлой щеке, но встретила на пути холодное твердое стекло. В детской улыбке и смеющихся глазах Эшли Лаура черпала силу. Пока она не добьется своего, она выдержит любое испытание, которому ее подвергнут Такетты.

В комнату вбежала Нэнси:

– У вас все в порядке, доктор Маллори?

– Да, но я никому не советую принимать этого типа в больших дозах, – пошутила Лаура, вымученно улыбаясь. – А в общем, я чувствую себя прекрасно.

Сестра вышла и через минуту вернулась со стаканом ледяной воды.

– Выпейте, пожалуйста. Наверное, вам следовало бы принять что-нибудь покрепче. Кей умеет доводить людей до белого каления.

– Благодарю вас. – Лаура жадно выпила воду. – Хочу, чтобы вы знали, Нэнси. Он приходил сюда прошлой ночью. Мистер Такетт растянул связки и искал доктора Паттона. – Лаура решила не выдавать тайну Кея, а также скрыть собственную вину. Врачу положено сообщать властям о любом огнестрельном ранении.

Не ожидая приглашения, Нэнси опустилась на стул напротив Лауры.

– Кей Такетт всегда был отъявленным хулиганом. Помню, он как-то притащил в школу в мешке маленькую гремучую змею и пугал нас, девчонок. Непонятно, как она его самого не укусила. Должно быть, даже ядовитая змея понимала, что с ним не надо связываться. Он, конечно, хорош собой и знает об этом. Сколько баб пустили его к себе под юбку из-за прекрасных синих глаз и неотразимой улыбки. Думаю, в этом деле он мастак. Оно и понятно, когда у тебя такой опыт. Можно собрать целый полк женщин, которые это подтвердят. Что до меня, то я всегда его считала порядочной дрянью.

Лаура заставила себя улыбнуться.

– Подождите немного, Нэнси. Мне надо собраться с мыслями и успокоиться, и тогда я продолжу прием.

– Доктор Маллори, – сочувственно произнесла Нэнси, – все ваши пациенты вдруг вспомнили, что у них есть «неотложные дела». – И, переходя на дружеский тон, добавила: – Милочка, в приемной нет ни души.

5

Джейн Элен сидела за столом в своем офисе. Суровое кирпичное здание «Компании» было спроектировано, построено и меблировано явно представителями мужского пола во время процветания Кларка Старшего. Джоди оставалась совершенно равнодушной к таким пустякам, как интерьер, а большинство служащих работали здесь давным-давно, привыкли к конторе и даже считали ее по-своему уютной. Хотя Джейн Элен проводила в конторе куда больше времени, чем кто-нибудь другой, ей тоже никогда не приходило в голову что-то менять.

Плющ, росший в глиняном горшке в форме зайца, был единственным излишеством в комнате, что-то говорившей о ее хозяйке. Горшок стоял на самом краю стола и был почти не виден за пачками корреспонденции, счетов и других бумаг.

Ведение дела с наивысшей эффективностью стало предметом особой гордости для Джейн Элен. Каждое утро она открывала дверь конторы ровно в девять часов, проверяла, какие сообщения поступили на автоответчик и факс за прошедшую ночь, затем просматривала большой календарь-ежедневник, где делала для себя самые разные записи, такие, как «позвонить пастору насчет цветов для алтаря», чтобы отметить день рождения покойного отца, и «не забыть записаться к зубному врачу в Лонгвью». И так пять дней в неделю.

Однако сегодня ее больше всего занимал вопрос здоровья матери, а также эти ее бессмысленные ссоры с Кеем. Вообще, после неожиданного возвращения Кея они больше не поднимали голос друг на друга, но стоило им оказаться вместе в одной комнате, как атмосфера накалялась до предела и, казалось, вот-вот разразится гроза.

Джейн Элен изо всех сил старалась их примирить, но почти всегда безуспешно. До Джоди дошли слухи, что Кей нанес еще один визит доктору Маллори. Мать немедленно обвинила его в том, что он грубо нарушил ее волю. Он в ответ напомнил, что вышел уже из того возраста, когда на все спрашивают разрешения у мамы. Джоди заявила, что он вел себя как недоумок; а он ответил, что следует примеру, который у него перед глазами.

И так далее, и тому подобное.

Особенно мучительны становились завтраки, обеды и ужины. На долю Джейн Элен выпало поддерживать разговор, что являлось невыносимо тяжелой обязанностью. Джоди и прежде слыла плохой собеседницей за столом, а теперь она и вовсе молчала.

Кей, надо отдать ему должное, со своей стороны тоже прилагал немало усилий. Он старался их развлечь забавными историями о своих приключениях. Но Джоди они не смешили. Она подавляла все его попытки их развеселить и упрямо возвращалась в разговоре к доктору Маллори, что неизменно вызывало взрыв возмущения со стороны Кея. Сразу после окончания еды он находил предлог, чтобы уйти из дома. Джейн Элен догадывалась, что он проводит время в каком-нибудь баре. Обычно он возвращался на рассвете, и она слышала на лестнице его неуверенные шаги.

Наверное, брат развлекался с женщинами, но городские сплетники не могли выяснить, кто является объектом его симпатий.

Кей пробыл дома неделю и пока не оправдал ожиданий Джейн Элен. Вместо того чтобы рассеять плохое настроение Джоди, его присутствие в доме только подогревало ее вспыльчивость. Это удивляло Джейн Элен. Когда Кей находился в отъезде, Джоди беспокоилась: от него нет вестей, с ним может случиться что-то плохое. Она редко проявляла свои чувства, но Джейн Элен видела, какое облегчение появлялось на ее лице, когда они получали от Кея открытку с сообщением, что он жив и здоров.

Теперь же, когда он вернулся домой, Джоди раздражал любой его поступок. Если он молчал, она попрекала его за это. Если он был ласков, то получал отпор. Она раздувала искру вражды по малейшему поводу, но Джейн Элен пришлось признать, что брат тоже умеет дей-

ствовать на нервы. У них с Джоди никогда не совпадало настроение, как никогда в природе не смешиваются нефть и вода.

Особенно ужасная ссора произошла в тот вечер, когда он напал на Джоди из-за дополнения к завещанию Кларка.

– Почему мне не сообщили, что он купил эту собственность и завещал ее Лауре Маллори?

– Да потому, что это не твое дело, – отрубила Джоди.

Поступок Кларка был никому не понятен, и особенно его матери. Джейн Элен знала, как переживала Джоди по этому поводу. Лучше, если бы Кей не узнал об этом. А уж если узнал, то ему не следовало требовать у Джоди объяснений.

– Как это не мое дело? – изумился Кей. – Я должен был знать о таком идиотском поступке. Разве это не касается нас всех?

– Я не знаю, какие причины побудили Кларка сделать этот подарок! – выкрикнула Джоди. – Но я запрещаю кому бы то ни было, и особенно тебе, называть своего брата идиотом.

– Я его не называл идиотом. Я только сказал, что его решение было идиотским.

– Это одно и то же.

Они продолжали раздраженно спорить еще с полчаса: Кей был вне себя от бешенства, у Джоди поднялось давление.

Никто никогда теперь не узнает, что же толкнуло Кларка на подобный шаг. Джейн Элен считала бессмысленным искать причину его поступка. Одно она знала точно: старший брат огорчился бы, узнай он об этих столкновениях. В доме царили вражда и неприязнь, и Джейн Элен отчаянно желала изменить положение, хорошо понимая всю безнадежность этого.

– Простите, мэм!

Джейн Элен, погруженная в свои мысли, вздрогнула от неожиданности при звуке мужского голоса. На пороге стоял человек. Солнце освещало его сзади, так что нельзя было разглядеть лицо.

Джейн Элен, отчего-то смутившись, вскочила на ноги и машинально проверила, все ли пуговицы застегнуты на ее блузке.

– Извините. Чем могу помочь?

– Может, и поможете. За этим я и пришел.

Он снял соломенную ковбойскую шляпу и вразвалку подошел поближе к столу. Джейн Элен подумала, что ростом он значительно ниже Кея, меньше шести футов. Слегка кривые ноги. Не слишком мускулистый, но выглядит крепким, сильным и выносливым. Одет в чистую и явно недавно купленную одежду.

– Я ищу работу, мэм. Подумал, может, у вас что найдется.

– Сожалею, но в настоящий момент у нас ничего нет. Мистер?..

– Кейто, мэм. Бови Кейто.

– Рада познакомиться с вами, мистер Кейто. Я Джейн Элен Такетт. Какую работу вы ищете? Если вы впервые в Иден-Пасс, я могу порекомендовать другую нефтяную компанию.

– Благодарю вас, только это ни к чему. Я уже везде спрашивал. Вас оставил напоследок, так сказать, на закуску, – добавил он, слегка улыбнувшись. – Похоже, тут никто никого не нанимает.

Джейн Элен сочувственно улыбнулась в ответ:

– Боюсь, что это именно так. В Восточном Техасе спад, особенно в нефтяной промышленности.

Его печальные карие глаза оживились.

– Видите ли, мэм, я всегда был связан с нефтью. Много лет служил обходчиком. Отвечал сразу за несколько скважин.

– Значит, у вас есть опыт? Вы знаете дело?

– Да, мэм. Работал в Западном Техасе. Я родом из паршивого… прошу прощения, *маленького* городка неподалеку от Одессы. Работал там на нефтяных промыслах с двенадцати лет. – Он смолк, давая ей возможность изменить решение после знакомства с его квалификацией. Она молчала, и он кивнул головой, как бы завершая разговор. – Все равно очень благодарен вам, мэм.

– Постойте! – Джейн Элен невольно протянула к нему руку, но, осознав это, смущенно отдернула ее назад, обхватила другой и прижала обе руки к груди.

Он удивленно на нее посмотрел:

– Да, мэм?

– Раз вы все равно здесь, может, заполните анкету? Вдруг у нас что-то появится… Никогда не повредит оставить заявление на будущее.

Кейто с минуту обдумывал предложение.

– Пожалуй, вы правы.

Джейн Элен села за стол и предложила ему сесть напротив. Из нижнего ящика вытащила стандартную анкету. Подала ему.

– Вам нужна ручка?

– Да, пожалуйста.

– Хотите кофе?

– Нет, спасибо.

Он взял поданную ручку и, склонив голову, начал печатными буквами писать свое имя в верхней графе анкеты.

Джейн Элен решила, что он одного возраста с Кеем, хотя у него на лице больше морщин, а на висках седина. На лбу и каштановых волосах остался след от шляпы.

Неожиданно он поднял голову и поймал ее взгляд. Смутившись, она пробормотала:

– Хотите чашку кофе? – И вдруг вспомнила, что кофе она ему только что предлагала. – Простите. Я, кажется, вас уже спрашивала.

– Да, мэм. Нет, я не хочу кофе. Спасибо. – Он вновь склонился над анкетой.

Джейн Элен перекладывала с места на место бумаги и жалела, что выключила радио, был бы хоть какой-нибудь шум, способный нарушить эту гнетущую тишину. Ах, боже, ну почему она не умеет поддерживать простейший разговор!

Наконец Кейто заполнил анкету и отдал ее Джейн Элен вместе с ручкой. Она пробежала глазами пару верхних строк и поразилась, насколько он моложе Кея, и даже на два года моложе ее самой. Ему всего тридцать один. Видно, он нелегко прожил эти годы.

Она продолжала читать дальше.

– В настоящее время вы работаете в баре «Под пальмой»? В этой забегаловке?!

– Да, мэм. – Он кашлянул и смущенно пожал плечами. – Какая это работа? Разве только на время.

– Я не упрекаю, – поспешила заверить она. – Кто-то должен работать в таких местах. – Это тоже прозвучало оскорбительно. Все-таки она поразительно бестактна. Джейн Элен прикусила нижнюю губу. – Мой брат там часто бывает.

– Знаю, мне его показывали. А вот вас я там никогда не видел.

Чувствовалось, что он сдерживает улыбку. Нервным движением Джейн Элен начала перебирать пуговицы на блузке.

– Нет… да… Нет, я там никогда не была.

– Конечно, мэм.

Джейн Элен облизнула пересохшие губы.

– Продолжим, – сказала она, опять принимаясь за анкету. – До работы в баре «Под пальмой» вы работали в…

Она споткнулась на следующем написанном печатными буквами слове. Смущенная открытием, она не решалась оторваться от текста, пока строки не слились у нее перед глазами.

– Вы не ошиблись, мэм, – негромко произнес он. – Я отсидел срок в тюрьме штата в Хантсвилле. Меня выпустили условно. Вот почему мне очень нужна работа.

Джейн Элен наконец решилась поднять на него глаза.

– Мне очень жаль, мистер Кейто, но у меня для вас ничего нет. – К своему ужасу, она поняла, что действительно жалеет об этом.

– Ничего не поделаешь, – ответил он, поднимаясь. – Я особо и не надеялся.

– Почему вы так говорите?

Кейто пожал плечами:

– Ну, я был в заключении… кому ж понравится…

Она не стала его обманывать и убеждать, что пребывание в тюрьме не имеет никакого значения при поступлении на работу в «Нефтяную компанию Такетт». Джоди и слышать не захочет о таком служащем. Однако Джейн Элен не могла его отпустить, не приободрив хотя бы словом.

– У вас есть еще какие-либо возможности?

– Ничего, о чем стоило бы упоминать. – Он надел шляпу, надвинул ее глубоко на лоб. – Извините за беспокойство, мисс Такетт.

– До свидания, мистер Кейто.

Он попятился, открыл дверь и вышел.

Джейн Элен вскочила со стула и быстро подошла к окнам. Через жалюзи она видела, как он сел в пикап и отъехал от дома, на шоссе повернув в сторону бара «Под пальмой».

В еще более подавленном настроении она вернулась за письменный стол. У нее скопилось много работы, но на этот раз она позабыла о дисциплине, которой безоговорочно себя подчиняла. Вместо этого она снова взяла анкету, заполненную Бови Кейто, и внимательно прочитала все ее пункты. В графе «семейное положение» он поставил крестик возле слова «холост». Графа «ближайшие родственники» оставалась пустой. Внезапно Джейн Элен осознала, что занимается ерундой. Она как бы примеривалась взять его на работу, хотя ничего ему не могла предложить. А если бы у нее и оказалась вакансия, то с Джоди случился бы нервный припадок, прими Джейн Элен на работу бывшего заключенного.

Сердясь на себя за то, что так бездарно растратила половину утра, она засунула анкету Бови Кейто в нижний ящик стола и принялась за бумаги.

– Только не этот галстук, ради бога, Фергус, – сердилась Дарси Уинстон. – Разве ты не видишь, что он не подходит к твоей рубашке?

– Ты же знаешь, кисонька, что я дальтоник, – оправдывался тот.

– А я нет. Поменяй-ка его вот на этот. – Дарси сняла другой галстук с вешалки в стенном шкафу и сунула его в руки Фергусу. – И поторапливайся. Сегодня мы будем в центре внимания, нам нельзя опаздывать.

– Я уже предупредил, что мы задержимся. Целый автобус пенсионеров остановился в мотеле без предварительной брони. Тридцать семь человек. Очень симпатичные люди. Я помогал их разместить. Они две недели провели в Харлингене, строили баптистскую миссию для мексиканцев. Организовали там воскресную школу. Они говорят, что мексиканским ребятишкам очень понравились взбитые сливки с фруктами.

– Прошу тебя, Фергус, мне это неинтересно, – нетерпеливо прервала его Дарси. – Одевайся быстрее. А я пойду потороплю Хэвер.

Дарси прошла по коридору к спальне их единственной дочери.

– Хэвер, ты готова? – Дарси постучала в дверь и тут же вошла, не ожидая разрешения. – Хэвер, сейчас же положи трубку и одевайся!

Шестнадцатилетняя Хэвер прикрыла микрофон рукой.

– Я уже готова, мама. Просто мы болтаем с Таннером, пока есть время.

– Времени уже нет. – Дарси выхватила трубку из рук дочери и сладко пропела в нее: – До свидания, Таннер, – после чего положила трубку на рычаг.

– Мама! – воскликнула Хэвер. – Как можно! Мне стыдно за тебя. Это невежливо по отношению к Таннеру. Зачем ты так?

– Потому что нас давно ждут в школе.

– Но еще нет и половины седьмого. А мы должны приехать туда к семи.

Дарси направилась к туалетному столику дочери, порылась среди флаконов, нашла подходящие духи и побрызгала на себя.

Хэвер с досадой спросила:

– У тебя полно своих духов. Почему ты берешь мои?

– Ты слишком много болтаешь по телефону с Таннером. – Дарси оставила без внимания протест Хэвер.

– Неправда.

– Молодые люди не любят девушек, которые вешаются им на шею.

– Мама, прошу тебя, оставь в покое мою шкатулку. После тебя там полный беспорядок. – Хэвер протянула руку и захлопнула крышку шкатулки.

Дарси оттолкнула ее руку и с вызовом вновь открыла голубую бархатную коробку.

– Что ты там от меня прячешь?

– Ничего!

– Может, ты куришь марихуану?

– Нет, не курю!

Дарси картинно порылась в шкатулке, но не нашла ничего предосудительного.

– Ну что? Удостоверилась?

– Не смей мне противоречить, девочка! – Дарси со стуком закрыла шкатулку и критически осмотрела Хэвер. – Пока есть время, сотри тени. Ты смахиваешь на уличную женщину.

– Неправда.

Дарси вытащила бумажную салфетку и сунула ее дочери.

– Ты, наверное, и ведешь себя соответственно, когда встречаешься с Таннером Хоскинсом.

– Таннер меня уважает.

– Так я и поверю. У него на уме только одно: как бы с тобой переспать. Впрочем, они все только об этом и думают.

Не слушая оправданий дочери, Дарси вышла из комнаты и спустилась вниз, вполне довольная собой. Она считала, что родители никогда не должны позволять детям брать верх над ними, и поэтому постоянно давила на Хэвер. Она требовала от девочки отчета за каждую минуту, проведенную вне дома. По мнению Дарси Уинстон, только родители, досконально знакомые с жизнью своих отпрысков, способны держать их под контролем.

В целом Хэвер была достаточно послушна. Уроки и школьные мероприятия занимали практически все ее время, так что возможность попасть в какую-нибудь историю сводилась к нулю; но летом, когда у Хэвер оставалось куда больше свободного времени, соответственно возрастал и риск нарваться на неприятность.

Бдительность Дарси опиралась не столько на материнский инстинкт, сколько на собственный опыт, приобретенный в те годы, когда она была одного возраста с Хэвер. Ей знакомы уловки, к которым прибегают подростки, чтобы обмануть легковерных родителей, потому что она сама использовала их все до одной. Больше того, изобрела множество новых.

Если бы мать Дарси оказалась более строгой, более внимательной к поведению дочери, юность Дарси не пронеслась бы столь мимолетно. Ей не пришлось бы выйти замуж в восемнадцать лет.

Отец их бросил, когда Дарси исполнилось всего девять, и, хотя сначала она сочувствовала матери, скоро это сочувствие сменилось презрением. С годами презрение переросло в открытое неповиновение. В возрасте Хэвер она уже связалась с дурной компанией, участники которой напивались до чертиков всякий вечер и не считали предосудительным обмениваться партнерами в любовных забавах.

Дарси с огромным трудом удалось закончить школу, ибо это ее интересовало меньше всего. В лето после получения аттестата она забеременела от ударника в джаз-оркестре. Она разыскала его где-то в Луизиане, но музыкант отрицал даже знакомство с нею. Несколько опомнившись, Дарси даже обрадовалась, что он от нее отказался. Бездарь, тупица, он тратил целиком свой заработок в оркестре на все, что можно курить, нюхать или колоть.

Когда она вернулась в Иден-Пасс, будущее представлялось ей смутным. К счастью, Дарси как-то зашла съесть мороженого в мотель «Зеленая сосна». На пороге многолюдного кафе ее встретил Фергус Уинстон, обнажив в улыбке большие лошадиные зубы; к тому времени он уже достиг среднего возраста, был холостяком и не помышлял о браке.

Вместо того чтобы изучать меню, Дарси следила, как Фергус со звоном нажимает на кнопки кассового аппарата. Она еще не допила и первой чашки кофе, когда ее озарила мысль, в корне изменившая ход ее жизни. Через два часа она получила работу. Через две недели мужа.

В первую брачную ночь Фергус был твердо уверен, что ему досталась девственница, и, когда спустя месяц Дарси объявила, что она беременна, ему и в голову не пришло, что отцом может быть кто-то другой.

Все последующие годы у него не возникало и тени сомнения, хотя Хэвер родилась «недоношенной» почти на восемь недель и тем не менее весила семь с половиной фунтов, как всякий здоровый, родившийся в срок младенец.

Фергус не задумывался над этими несовпадениями, все его мысли занимал мотель, как того требовала от него Дарси. Она сумела убедить мужа, что умный делец тратит деньги, чтобы заработать новые. Фергус перестроил кафе, обновил мотель и установил рекламные щиты на автострадах.

Лишь в одном он твердо стоял на своем. Только он один распоряжался бухгалтерскими книгами мотеля «Зеленая сосна». Как ни обхаживала его Дарси, Фергус вел весь бухгалтерский учет сам. Она догадывалась, что он утаивает от налоговой службы часть доходов, и, конечно, не имела ничего против. Но, имей она доступ к книгам, она нашла бы дополнительные лазейки, ускользнувшие от его внимания, вот что ее так раздражало. Однако за шестнадцать лет брака Фергус ни разу не отступил от своего первоначального решения. Это был один из немногих споров, в котором Дарси потерпела поражение.

Что же касалось остального, то Фергус слишком долго оставался холостяком, чтобы полностью не подчиниться молодой хорошенькой рыжеволосой жене, и считал себя счастливейшим человеком на свете. Он оказался щедрым мужем, построив для Дарси самый лучший дом в Иден-Пасс. Он предоставил ей полную свободу в выборе дизайнеров в Далласе и Хьюстоне и не ограничивал ее в средствах. Каждый год она меняла машину. Он обожал Хэвер, которая вертела им, как хотела.

Фергус ни о чем не догадывался и ничего не подозревал, когда через три месяца после рождения Хэвер Дарси завела первого любовника. Тот держал шорную мастерскую и остановился в мотеле по пути из Эль-Пасо в Мемфис. Они устроились в номере 203. Не было ничего проще, чем сказать Фергусу, что она съездит навестить мать.

Несмотря на частые измены, Дарси искренне привязалась к Фергусу, главным образом потому, что его положение в обществе возвышало и ее, а также потому, что он удовлетворял каждую ее прихоть.

Она залюбовалась, когда Фергус под руку с Хэвер спустился по лестнице.

– Вы красивая пара, – заметила она. – Сегодня в школе соберется весь город, и Уинстоны будут в центре внимания.

Фергус обнял ее и поцеловал в лоб.

– Я буду счастлив и горд стоять на сцене с двумя самыми красивыми девушками в Иден-Пасс.

Хэвер шутливо закатила глаза.

Простодушный Фергус не заметил насмешки.

– Хотя мне и не нравится причина, из-за которой мы собираемся, – он вздохнул и поглядел в лицо любимой жене, – я содрогаюсь при мысли о том, что с тобой мог сделать этот бандит.

– У меня самой мурашки бегают по телу. – Дарси похлопала мужа по щеке и нетерпеливо высвободилась из его объятий. – Нам надо спешить, а то мы опоздаем. Впрочем, – добавила она довольным голосом, – они не могут начать без нас, верно?

6

У Лауры имелись особые причины присутствовать на городском собрании.

Если в Иден-Пасс возрос уровень преступности, то ей следует об этом знать. Она живет одна, и ей необходимо принять меры, чтобы защитить себя и свою собственность.

Для того чтобы прижиться в Иден-Пасс, ей важно активно участвовать в жизни общества, даже просто почаще бывать на людях. Лаура уже купила сезонный билет на футбольные матчи и внесла деньги на сооружение нового светофора на единственном оживленном перекрестке в центре города. Если ее будут видеть в обычной обстановке, например, в магазине «Экономный покупатель» или на бензоколонке, то, может случиться, жители города перестанут считать врача чужой. Возможно, даже примут в свои ряды, несмотря на всесильную Джоди Такетт.

Третья причина, ради которой Лаура хотела присутствовать на собрании, носила куда более личный характер. Ей казалось странным, что вспышка преступности совпала с появлением у нее на заднем крыльце Кея Такетта с кровоточащей пулевой раной. Трудно вообразить, что это он лез в дом Фергуса Уинстона. Но ради собственного спокойствия она хотела бы позабыть об этой досадной случайности.

Актовый зал, гордость средней школы, часто использовался для общественных мероприятий. Лаура приехала пораньше, но стоянка уже оказалась заполнена легковыми машинами. Местная газета назвала собрание «жизненно важной акцией». Кроме того, были процитированы следующие слова шерифа Эльмо Бакстера: «Все граждане обязаны принять участие в мероприятии. Жители Иден-Пасс должны положить конец волне преступности, пока она окончательно не захлестнула наш город. Надо, как говорится, уничтожить зло в самом зародыше. У нас благопристойный и законопослушный, хотя маленький город, и таким ему быть, пока я здесь шериф».

Призыв не остался без ответа. Лаура буквально затерялась в толпе, валом валившей к ярко освещенному зданию. Однако при входе в зал она стала объектом пристального внимания. Она ясно слышала шепот за своей спиной. Шепот тонул в шуме толпы, но тем не менее Лаура его различала. Не обращая внимания на повернутые к ней головы и откровенно любопытные взгляды, она приветствовала знакомых: мистера Хоскинса из бакалейного магазина, женщину, работающую на почте, и тех немногих, кто не побоялся преодолеть зону отчуждения, созданную вокруг нее Джоди Такетт, и пользовался ее услугами врача.

Вместо того чтобы занять одно из свободных мест в задних рядах, Лаура двинулась вниз по запруженному центральному проходу. Она не станет прятаться! Она заметила Нэнси и Клема Бейкер с детьми. Нэнси знаком пригласила ее к себе, но Лаура отрицательно покачала головой и отыскала себе место в третьем ряду.

Она только прикидывалась храброй. Под лавиной неприязненных взглядов Лаура чувствовала себя неуютно, сознавая, что десятки языков треплют ее доброе имя, обсуждая все стороны жизни наглой особы, втершейся в ряды порядочных граждан Иден-Пасс.

Лаура страдала от полной невозможности себя защитить. Единственным способом было бы остаться дома, но это не решало проблемы. Она имела полное право принять участие в собрании. Она не должна бояться сплетен угодливых личностей, безропотно подчинявшихся старой карге, как Лаура теперь про себя называла Джоди Такетт.

Сама миссис Такетт оставалась более высокого мнения о своей персоне. Когда она появилась, как и положено, со значительным опозданием, то прошествовала по центральному проходу, не глядя ни направо, ни налево. Видимо, Джоди считала вежливость пустой тратой времени и не останавливалась, чтобы ответить на приветствия.

Она держалась высокомерно, но в ее облике не было ничего величественного. Кларк столь подробно описывал ей свою мать, что Лаура с легкостью ее узнала, хотя Джоди представлялась ей прежде неким сочетанием Джоан Кроуфорд и Жанны д'Арк.

На самом деле миссис Такетт оказалась невысокой приземистой седоволосой женщиной самой обычной внешности, одетой дорого, но безлико. Джоди обладала резкими, почти мужскими чертами лица. Она являлась олицетворением железной воли, чем более всего и прославилась.

Люди притихли, когда Джоди Такетт появилась в зале. Ее прибытие послужило сигналом для начала собрания. Вне сомнения, она являлась самой уважаемой гражданкой в Иден-Пасс.

Из всех собравшихся в зале Лаура, наверное, единственная заметила, что Джоди Такетт тяжело больна.

Кожа на лице – коричневая и сухая, как старый пергамент. Синяки и пятна покрывали руки. Когда Джоди протянула руку мэру, Лаура заметила припухшие пальцы, что свидетельствовало о возможных сосудистых заболеваниях.

Позади Джоди шла женщина примерно одного возраста с Лаурой. Она улыбалась робкой, неуверенной улыбкой, явно стесняясь, что вместе с матерью привлекает всеобщее внимание. Джейн Элен точно соответствовала описанию Кларка. Он как-то назвал свою сестру «мышкой», правда, без всякой насмешки.

«Отец ее обожал, – рассказывал Кларк, – наверное, если бы он не умер, когда она была совсем маленькой, она бы расцвела и стала красивой девушкой. Мать не находила для нее времени. Все работа. Работа. Работа – ее бог! Джейн Элен выросла среди тех, кто умеет за себя постоять, характера нам всем не занимать. Ей редко когда удавалось вставить свое слово. Теперь застенчивость ее вторая натура».

Джейн Элен была светловолосая, с тонкими чертами лица. Рот у нее был маловат, а нос несколько длинноват, но потрясающие синие, как и у братьев, глаза с лихвой компенсировали любые недостатки.

Она явно находилась под влиянием Джоди, что подтверждало и полное отсутствие какого-либо стиля в одежде. Строгая прическа еще больше портила ее. Казалось, она изо всех сил старается сделать себя непривлекательной, чтобы ничем не выделяться и полностью затеряться в тени, отбрасываемой властной фигурой матери.

Кей замыкал семейное шествие. Но, идя по проходу, он, не в пример матери, часто останавливался, чтобы поздороваться или перекинуться парой слов со знакомыми, которых давно не видел. Лаура улавливала обрывки этих дружеских приветствий.

– Кого я вижу! Неужели это Кей Такетт?

– Это ты, Опоссум? Сукин сын! Как у тебя дела?

Пока некто по прозвищу Опоссум распространялся о своих успехах в области продажи кормов и удобрений, Кей заметил Лауру. Словно не веря своим глазам, он снова посмотрел в ее сторону, и Лаура почувствовала, как у нее екнуло сердце. Они смотрели друг другу в глаза до тех пор, пока Опоссум, определенно прозванный так за свое печальное сходство с представителем отряда сумчатых, не задал Кею какой-то прямой вопрос.

– Извини, я не расслышал, – Кей отвел глаза от Лауры, но недостаточно быстро. Опоссум и сидящие рядом вполне успели заметить, кто явился объектом его пристального внимания.

– Да, я хотел спросить… – Опоссум переводил блестящие маленькие глазки с Кея на Лауру и обратно и был так поглощен этим занятием, что забыл, о чем шла речь.

К счастью, именно в этот момент к кафедре на сцене приблизился директор школы. Он что-то произнес, но микрофон предательски молчал, и только после некоторой возни с кнопками и регулировки ему удалось обрушить на барабанные перепонки присутствующих свое приветствие:

– Я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли на собрание…

Кей пообещал Опоссуму, что выпьет с ним завтра пива, затем присоединился к Джоди и Джейн Элен; для них в первом ряду мэр зарезервировал места.

Собрание под председательством директора школы началось. Он представил публике семейство Фергуса Уинстона, сплоченной стайкой появившееся из-за желтого бархатного занавеса. Лаура с интересом разглядывала эту троицу. Молоденькая девушка по имени Хэвер сильно смущалась под многочисленными взглядами. Что касалось миссис Уинстон, то она ничем не походила на жертву нервного потрясения, как сказал о ней директор школы. Дарси олицетворяла недюжинное здоровье, и в ней ощущался огромный запас энергии. В свете ярких ламп рыжая копна ее волос казалась пылающим костром. С притворной скромностью она взяла под руку своего мужа.

Лаура сразу почувствовала к ней недоверие.

Фергус был высок ростом, но как-то старчески горбился. Его узкую длинную голову с залысинами покрывали редкие седые волосы. Морщины, те, что называют «морщинами смеха», залегли у большого рта. Сменив на кафедре директора школы, Фергус без улыбки поведал залу об ужасном происшествии.

Слегка сдвинувшись влево, Лаура могла видеть сидевшего рядом с сестрой Кея Такетта. Он опирался локтями на подлокотники и кончиками пальцев похлопывал себя по губам. Кей положил правую ногу, ту самую, что растянул, на левую. Развалившись на сиденье, он нетерпеливо поглядывал по сторонам, демонстрируя всем своим видом, что ему наскучило мероприятие и что он, как школьник, мечтает об окончании урока.

Лаура посмотрела на сцену и увидела, что не одна она наблюдает за Кеем Такеттом. Миссис Уинстон с хитрым, довольным выражением лица тоже не спускала с него глаз.

– Это все, что я вам хотел сказать, – завершил свою речь мистер Уинстон. – Хочу только добавить, что нам следует присматриваться к любым подозрительным личностям, появляющимся в городе, и докладывать шерифу обо всех происшествиях.

Под аплодисменты он покинул кафедру, уступив место шерифу Эльмо Бакстеру, неряшливого вида человеку, передвигавшемуся со скоростью улитки и взиравшему на мир грустными глазами бассета.

– Я благодарю Фергуса и Дарси за то, что они поделились с нами своим неприятным опытом. – Он тяжело переступил с ноги на ногу. – Но я хочу вас предупредить: не вздумайте делать глупости и спать с револьвером под подушкой. Если вы заметите, что кто-то пытается к вам залезть, или увидите в округе чужака, немедленно звоните в полицию. Я или Гас проверим все в соответствии с законом. И не вздумайте брать на себя функции закона. Мы с городским советом решили, что нам нужен комитет по борьбе с преступностью. Это поможет тщательно следить за всем происходящим, чтобы ничего подобного больше не повторялось. Естественно, нам нужен председатель комитета. Прошу выдвигать кандидатуры.

– Я выдвигаю свою кандидатуру, – громко и отчетливо объявила Дарси Уинстон.

Зал захлопал. Фергус сжал руку жены и посмотрел на нее с откровенным обожанием.

– И я бы хотела, чтобы Кей Такетт занял место сопредседателя, – добавила Дарси.

Кей выпрямился. Правая нога, соскользнув с колена, с силой ударилась о пол. Лаура заметила, как он поморщился от боли.

– Что еще она там придумала? – При виде его изумленной реакции все вокруг засмеялись. – Я теперь здесь больше не живу. К тому же и ничего не смыслю в этих комитетах!

Развеселившийся шериф подергал себя за мочку уха.

– Я думаю, что это не важно, но уж если кто знает, как не дать себя в обиду, так это ты, Кей. Верно я говорю, Джоди?

Джоди надменно взглянула на сына:

– Я считаю, ты должен согласиться, Кей. Вспомни, когда ты в последний раз трудился на благо общества?

– Когда он возглавлял команду «Дьяволов» на чемпионате штата! – Опоссум выскочил на середину прохода и принялся размахивать руками над головой. – Давайте поддержим Кея Такетта, непобедимого одиннадцатого номера!

Все встали и присоединились к приветственным крикам. Проворные ребятишки воспользовались моментом, чтобы убежать от родителей. Шумные подростки поспешили к выходу, по пути награждая друг друга тумаками. Нечего было и думать о восстановлении порядка, поэтому шериф Бакстер, почти прижав губы к микрофону, объявил:

– Кто за, поднимите руку. Решение принято. Вы свободны. Будьте осторожны за рулем.

Лауру понесла за собой толпа. Приподнявшись на цыпочки, она увидела, как Дарси Уинстон повелительным жестом приглашает Кея на сцену. Она выглядела женщиной, вполне способной подстрелить убегающего любовника, чтобы не быть пойманной на месте преступления.

– Извините, – услышала Лаура сзади.

В ответ на эту вежливую просьбу Лаура отступила в сторону, затем обернулась. И оказалась лицом к лицу с сестрой Кея.

Сначала Джейн Элен неуверенно улыбнулась, затем в изумлении и отчаянии растерянно уставилась на Лауру.

– Здравствуйте, мисс Такетт, – вежливо произнесла Лаура. – Извините, что помешала вам пройти.

– Вы… вы…

– Я Лаура Маллори.

– Да, я…

Не успела Джейн Элен подыскать нужные слова, как в разговор вмешалась Джоди:

– Ты что остановилась? – Она тоже увидела Лауру, и на ее лице появилось выражение злорадства.

– Наконец-то мы встретились, миссис Такетт, – сказала Лаура, протягивая ей руку.

Джоди сделала вид, что не заметила ни приветствия, ни протянутой руки. Она подтолкнула дочь вперед:

– Двигайся, двигайся. Давай поскорее выйдем на воздух.

На мгновение Лаура застыла на месте. Эта случайная встреча не ускользнула от внимания толпы, и Лаура заметила, что люди намеренно ее сторонятся. Она медленно опустила протянутую руку и двинулась вверх по проходу; толпа расступалась перед ней. Она стала для них хуже прокаженной. Теперь никто не удостаивал ее даже взглядом.

У выхода она приостановилась и обернулась. Кей присоединился к миссис Уинстон. Лаура презрительно усмехнулась. Эти двое друг друга стоили.

Поскольку Дарси перекричала бы глашатая, Кею не оставалось ничего другого, как подняться к ней на сцену. Она привлекла к нему всеобщее внимание, и ему пришлось смириться.

Пробираясь к сцене, он попытался отыскать взглядом в толпе Лауру Маллори и с ужасом увидел, что она что-то говорит его матери.

Когда Джоди отвергла рукопожатие Лауры и грубо подтолкнула Джейн Элен, доктор Маллори не растерялась и сохранила присутствие духа. Она не расплакалась и не стала выкрикивать им в спину оскорбительные эпитеты. Наоборот, с достоинством направилась к выходу, высоко держа голову. Что ж, держится она неплохо.

Кей хотел было ее догнать и… Что дальше?

Спросить, почему она остановила свой выбор именно на его брате, когда в Вашингтоне всегда полным-полно назойливых молодых самцов, которым не терпится совокупиться?

Потребовать, чтобы она в двадцать четыре часа покинула город или еще что-нибудь в этом роде?

Одним словом, показать себя полным идиотом. Нет, Кей не хотел доставить ей это удовольствие. Кроме того, ему надо все-таки поговорить с Дарси. Сначала покончить с этим, а потом уж разбираться в других делах.

Он поднялся по ступенькам на сцену.

– Что тебе надо? – недовольно спросил он.

– Привет, Кей. – Она сияла и, не обращая внимания на его нахмуренные брови, подвела его к Хэвер. – Ты знаком с моей дочерью? Хэвер, это мистер Кей Такетт.

– Здравствуйте, мистер Такетт. – Девушка была вежливой, но явно думала о других вещах. – Меня ждет Таннер, – сказала она, обращаясь к матери. – Я могу идти?

– Можешь, но только прямо домой.

– Но все едут на озеро.

– В такой поздний час? Я тебе не разрешаю.

– Ну, *мамочка*! Все едут. Пожалуйста.

Во взгляде Дарси, устремленном на Хэвер, крылось молчаливое предостережение.

– Чтобы в одиннадцать тридцать ты была дома. И ни минутой позже.

Хэвер надулась.

– Никто так рано не возвращается.

– Это мое последнее слово, милочка.

Хэвер покорилась. Равнодушно попрощавшись с Кеем, она спустилась со сцены в зал, где ее ждал красивый молодой человек.

Пока Дарси спорила с Хэвер о комендантском часе, Кей следил за одиноким медленным движением Лауры Маллори по проходу. Нельзя не признать благородства ее поведения. Перед самой дверью она обернулась и посмотрела на сцену.

– Кей!

– Что такое? – Только когда Лаура исчезла в дверях, он вспомнил о Дарси. Та проследила за направлением его взгляда вплоть до самых дверей.

– Вот как, эта скандальная особа, наш новый врач, тоже, оказывается, явилась, – с издевкой произнесла Дарси. – Ты удостоился чести познакомиться с ней?

– Угадала. Это она меня подлатала после того, как ты проделала во мне дырку. – Кей с удовлетворением отметил, что самодовольная улыбка исчезла с лица Дарси.

– Ты обратился к *ней*? – воскликнула она. – Ты что, рехнулся? Я думала, что у тебя хватит ума обратиться в больницу, там тебя, конечно, признают, но все-таки это не в городе.

– Я искал дока Паттона. Мне никто не сказал, что он на пенсии.

– И ты, конечно, не знал, что твой брат купил своей любовнице врачебную практику в нашем городе?

– Представь себе, нет.

Кей старался, чтобы его голос звучал как можно равнодушнее, но Дарси уже ничего не замечала. Он почти видел, как она прокручивает возможные варианты развития событий.

– Она может сообщить шерифу, – забеспокоилась Дарси.

– Может, но не станет! – Он посмотрел в сторону выхода. – У нее хватает своих забот. К тому же доказательств нет. Нет пули. Пуля прошла навылет и вырвала кусок мяса. – Он наклонился к ней и тихо, чтобы никто не услышал, сказал: – С тебя надо живьем содрать кожу. Ты могла меня убить, безмозглая сука.

– Не смей так говорить со мной, – прошипела она, с трудом сохраняя на лице натянутую любезную улыбку. – Если бы я сразу не сообразила, Фергус поймал бы нас в чем мать родила. Ты думаешь, он поверил бы, что мы читали вслух в моей спальне? Он мог нас убить на месте, и любой суд присяжных в нашем штате наверняка бы его оправдал.

– Солнышко!

Дарси резко обернулась при звуке голоса мужа.

Кей поздоровался с Уинстоном:

– Привет, Фергус. Давно не виделись.

– Как поживаешь, Кей?

– Не жалуюсь.

Много лет назад между Фергусом и Джоди произошла какая-то размолвка. Речь шла об участке «Нефтяной компании Такетт», граничащем с мотелем. Никто не знал точных подробностей, и Кей никогда не старался их выяснить. Он решил, что Джоди, жадная до нефти, а вместе с ней до власти и денег, каким-то образом сумела обжулить Фергуса.

Его не интересовала их ссора, но из-за нее Фергус всегда смотрел на него, как на недоумка и дерьмо. Впрочем, возможно, и из-за поведения Кея в юности. Не раз после очередной попойки они с Опоссумом и всей их компанией отсиживались в кафе при мотеле Фергуса, чтобы хоть как-то прийти в себя. Он смутно помнил, как однажды его буквально вывернуло наизнанку прямо на лужайке перед мотелем «Зеленая сосна».

Как бы там ни было, Фергус Уинстон его недолюбливал, но Кея это мало беспокоило.

– Мне совсем не по душе работа в этом комитете, куда ваша жена меня только что заарканила. Так вот, – обратился он к Дарси, – я слагаю с себя полномочия. Решение вступает в силу немедленно.

– Ты не можешь так поступить. Ты еще не начинал работать.

– Тем более у меня есть все основания уйти с этой должности. Я ничего не просил. Я не желаю такой работы. Ищите себе другого сопредседателя.

Дарси подарила ему свою самую ослепительную улыбку.

– Он хочет, чтобы его умоляли. Фергус, ты бы подогнал машину ко входу. Я скоро освобожусь. А пока я попытаюсь убедить этого лентяя, чтобы он изменил свое решение.

Кей проследил, как Фергус прошел за кулисы, где попрощался со смотрителем, терпеливо дожидающимся, когда разойдется народ и он сможет запереть помещение.

Дарси убедилась, что муж скрылся из виду, и только тогда обернулась к Кею. Понизив голос, она спросила:

– Ты что, не видишь шанс, когда он у тебя прямо под носом?

– Что ты хочешь этим сказать, солнышко? – спросил Кей, прикидываясь непонимающим.

– Совсем не соображаешь? Если мы с тобой будем в одном комитете, нас никто ни в чем не заподозрит, – пояснила Дарси. Кей продолжал вопросительно смотреть на нее. В раздражении она повысила голос: – Хочешь, скажу по буквам: мы можем с тобой встречаться в любое время, и нам не надо будет прятаться. Теперь дошло?!

Он немного выждал для пущего эффекта, потом внезапно расхохотался.

– Ты думаешь, я хочу спать с *тобой*? – Его смех оборвался так же резко, как и начался, и лицо потемнело от гнева. – Да мне на тебя насрать, миссис Уинстон. Ты запросто могла меня убить из твоего паршивого пистолета. Взгляни на мою ногу, попробуй-ка с такой влезть в самолет.

Она посмотрела на него затуманенным взором.

– Не такая уж дорогая цена за удовольствие, ты согласен?

– Слишком дорогая, солнышко. Можно подумать, что ты редкость, вроде Золотого руна. – Его взгляд подчеркнуто остановился на ее бедрах. – Я встречал других, и получше. Тебе до них далеко. Короче, если ты думаешь, что я еще раз прикоснусь к твоему Золотому руну, то ты не только дешевка, ты еще и дура.

Туман в ее взоре рассеялся. Вместо него вспыхнул огонь.

– Не рассчитывай, что я с тобой когда-нибудь снова перепихнусь!

– Судя по слухам, я единственный такой неудачник.

Дарси позеленела от злости.

– Сукин сын, вот ты кто, Кей Такетт!

– Вот тут ты попала в точку, – подтвердил он коротким кивком. – Сукин сын в самом прямом смысле.

– Катись к черту!

В зале еще толпились и прохаживались люди, и Дарси, скрывая гнев, резко повернулась и двинулась прочь. Она шла по проходу, еле кивая тем, кто желал ей спокойной ночи.

Кей неторопливо последовал за ней, слегка посмеиваясь и в то же время чувствуя неловкость. Дарси вполне заслуживала подобного отношения, и все же он не испытывал удовлетворения оттого, что ее унизил.

Фергус услужливо ждал жену у машины, широко распахнув дверь. Когда Дарси села внутрь, Кей услыхал ее слова:

– Прошу тебя, Фергус, поедем побыстрей домой. У меня голова раскалывается.

Кей пожалел Фергуса, но не потому, что переспал с его женой; редкий мужчина в округе не удостоился этой чести в то или иное время. А потому, что, хотя мотель и приносил доход, Фергусу никогда не дотянуть до настоящего бизнесмена. Для этого нужны совсем другие качества, которыми Фергус не обладал, о чем свидетельствовал весь его вид: длинное худое лицо, сгорбленные плечи и плюс к этому устаревший подход к ведению дела. В этом мире бок о бок существовали многочисленные Джоди Такетт и Фергусы Уинстоны, победители и побежденные. Одни прокладывали себе дорогу подобно бульдозеру, другие или уступали им путь, или, в случае сопротивления, отбрасывались на обочину, а то и уничтожались. И в жизни, и в любви Фергус принадлежал к последней категории.

Кей не понимал такой пассивности. Почему Фергус не замечал неверность Дарси? Почему оставался добровольным посмешищем? Почему терпел и прощал Дарси ее измены?

Что это – любовь?

«*Какая там любовь*», – усмехнулся Кей. Любовь… Этим словом напичканы стихи. Они вещали об огромной власти чувства над сердцем и умом, но это заблуждение. Любовь не преображала жизнь, хотя об этом и пелось в сладкозвучных романсах. Кей ни разу не испытал подобного волшебства, если только не говорить о магии черного цвета.

Он любил отца, и его смерть разбила ему сердце; он остался один, без опоры, во враждебном мире. Любовь заставляла сестру целиком подчиняться матери. Из-за любви Кларк погубил свою многообещающую карьеру. Неужели из-за так называемой любви Рэндалл Портер терпел развратную жену?

«Нет, это не для меня», – твердил себе Кей, пересекая стоянку настолько быстро, насколько позволяла больная нога. Любовь, всепрощение, другая щека, которую следует подставлять, – все эти идеи хороши для воскресной школы. Им нет применения в реальной жизни. Во всяком случае, в его жизни. Если у него помутится разум и он вдруг женится, то, застав жену в объятиях другого мужчины, он убьет их обоих на месте.

Кей подошел к машине и открыл дверь.

– Добрый вечер, мистер Такетт.

Он обернулся и с удивлением увидел стоящую возле машины Лауру Маллори. Слабый ветерок ворошил ее волосы, раздувал платье. Лунный свет освещал часть лица, другая оставалась в тени. Хотя она была последним человеком, кого бы он хотел сейчас увидеть, надо признать, что выглядит она удивительно красивой. У Кея невольно забилось сердце.

Судя по голосу, он был недоволен.

– Вы что – шли за мной по пятам?

– Нет, я ждала вас здесь, на стоянке.

– Глубоко тронут. Как вы узнали, где меня ждать?

– Я видела вас в городе на этой машине. Она очень заметная, если не сказать больше.

– Это машина моего отца.

«Линкольн» – длинный, внушительных размеров автомобиль, возраст которого перевалил за двадцать лет, вдобавок пожирал еще и прорву бензина. Кей договорился в гараже у Бо, чтобы они поддерживали машину в отличном состоянии, и «Линкольн» выглядел как новенький. Кей ездил на нем, когда находился в родном городе: он напоминал ему о покойном отце.

Автомобиль соответствовал яркой личности Кларка Младшего. Желтый внутри и снаружи, он блистал позолоченными дисками колес и решеткой радиатора. Кей нежно именовал его «бордель-мобиль». Джоди не нравилось название, по всей видимости, за его меткость.

– Вы все еще хромаете, – заметила Лаура. – Почему вы не ходите на костылях?

– Не хочу. С ними одна возня.

– Вы можете себе навредить.

– Что ж, придется рискнуть.

– Как ваша рана? Почему вы не пришли ко мне на прием?

– Не стоит разговора.

– Пора снять дренаж.

– Я уже сам его вытащил.

– Вот как. А вы, оказывается, настоящий мужчина. Вижу, что вы наконец побрились. Наверное, с помощью скребка?

Он молчал, чувствуя, что она смеется над ним.

– Вы регулярно меняете повязки? Если нет, то можете занести в рану инфекцию. Как идет заживление?

– Прекрасно. Послушайте, – произнес он, опираясь локтем на крышу машины, – мне что – считать это визитом врача? Может, вы пришлете счет за консультацию?

– На этот раз нет.

– Ну, спасибо вам, док. Большое спасибо. Спокойной ночи.

– Дело в том, – начала она, делая шаг к нему, – что мне надо поговорить с вами кое о чем, и я решила, что здесь самое подходящее место. Нас никто не может подслушать.

– Только этого не хватало. У меня нет настроения беседовать с вами. Сегодня я, как вы бы сказали, в состоянии повышенной нервозности. Так что советую вам быть паинькой и мотать отсюда.

Он уже приготовился сесть в автомобиль, когда Лаура совершила еще один неожиданный поступок: внезапно схватила его за руку.

– Я отдаю вам должное, мистер Такетт, уж чего-чего, а изворотливости вам не занимать. Откройте, кто из вас, вы или миссис Уинстон, придумали разыграть разбойное нападение, чтобы скрыть супружескую измену?

Кей опешил, но замешательство длилось всего мгновение. Она смотрела на него очень серьезно, так серьезно, что он не выдержал и улыбнулся.

– Вот как. Девочка-всезнайка воображает, что ей известно все на свете.

– Мистер Уинстон вас спугнул прямо из постели своей жены? Я угадала?

– Что вы меня спрашиваете, раз вы так уверены?

– Во время бегства вы растянули связки. Чтобы замести следы, миссис Уинстон в вас выстрелила. Сцена под стать третьеразрядному кино. Вы хоть знали, что она собирается в вас стрелять?

– А вам какое дело?

– Значит, это действительно явилось сюрпризом.

– Не приписывайте мне свои слова, – грубо перебил он. – Лучше ответьте на мой вопрос. Какое вам до этого дело? Или, может, у вас болезненный интерес к любовным отношениям других людей?

– У меня одна-единственная причина, – повысила голос Лаура. – Вы ворвались ко мне в дом и обозвали шлюхой за те же подвиги, которые совершили сами.

– И тем не менее это совсем другое.

– Неужели? В чем же разница?

– Мы с Дарси никому не причинили вреда.

– Не причинили вреда?! – воскликнула Лаура. – Дарси замужняя женщина. Вы же утверждаете, что именно это моя самая тяжкая вина.

– Нет, ваша самая тяжкая вина в том, что вы позволили себя поймать.

– Значит, пока муж Дарси ничего не подозревает, ваша интрижка может спокойно продолжаться?

– Ну, не совсем спокойно. И все же не следует делать из этого трагедию. Больше всего в этом деле страдают сами грешники.

– Не совсем так, мистер Такетт. Вы подняли на ноги весь город из-за «волны преступлений», в действительности не существующей.

– Это не моя вина. Фергус перепугался, когда Дарси начала кричать и стрелять из пистолета. Просто он несколько переборщил.

– Или использовал мифического грабителя, чтобы заглушить собственные подозрения.

У Кея тоже возникли подобные мысли, но он решил их оставить при себе.

– Я не отвечаю за то, что ему взбрело в голову.

– Разве вас не беспокоит, что вы заставили дрожать от страха целый город?

– От страха? – насмешливо переспросил он. – Какого еще страха? Людям нравится, когда их немножко пугают. Они жить без этого не могут. До празднования Дня труда далеко, им нечем развлечься, а тут еще жара, так пусть хоть это их немного повеселит. Шериф Бакстер мне сказал, что со всего города хлынули сообщения о подозрительных личностях. – Кей рассмеялся. – Возьмем, к примеру, мисс Винни Ферн Льюис, она живет в старом обветшалом доме на Кэннон-стрит. Когда мы мальчишками ходили по домам перед Днем Всех Святых, мы нарочно обрывали у нее во дворе бельевые веревки, потому что она очень прижимистая и никогда не давала нам ничего, кроме самых дешевых конфет. Так вот, вчера Эльмо мне рассказал, что эта самая мисс Винни Ферн сообщила, что уже шесть вечеров подряд какой-то тип подглядывает в окно, когда она раздевается. Она утверждает, что не может его описать или что-то о нем сообщить, так как он прячется за кустом шиповника и, как она объяснила Эльмо, «доводит себя до сексуального возбуждения». Не представляю себе, как шериф удержался от смеха. Скорее можно поверить, что на Луне живут люди, чем вообразить, что кто-то подглядывает за мисс Винни Ферн. Но для нее это целое событие, она его ждала всю жизнь, так что же в этом плохого?

– Одним словом, вы считаете, что оказали обществу услугу?

– Очень возможно. Люди в таком маленьком городке, как Иден-Пасс, нуждаются в развлечениях. – Он подвинулся ближе к ней и почувствовал запах ее духов. – А как насчет вас, доктор? – спросил Кей, понизив голос. – Как насчет того, чтобы развлечься? Правда, в Иден-Пасс нет законодателей, которых вы могли бы совращать.

Лаура задрожала от возмущения, и Кей понял, что в ней привлекало брата. Гнев красил Лауру Маллори. Она стояла с гордо откинутой назад головой и в этой позе могла бы украсить нос старинной бригантины.

Только, помимо гордости, в ней чувствовалась еще и мягкость. Ветер поднимал шелковистые пряди ее волос, играл складками платья. Мягкими и нежными были ее губы.

Кей попытался прогнать эти мысли.

– Вы уже наметили следующую жертву?

– Кларк не был жертвой!

– Вы оказались единственной замужней женщиной, с которой он связался.

– Это доказывает, что он был разборчивее вас.

– Или наоборот.

В ярости она повернулась, чтобы пойти прочь, но он удержал ее за плечо.

– Раз вы все это начали, вам придется выслушать меня до конца.

Лаура отбросила назад волосы.

– Я вас слушаю.

– Вы сказали, что мои обвинения в ваш адрес несправедливы.

– Я могу повторить это еще раз. Они абсолютно несправедливы. Вы ничего не знаете о моих отношениях с Кларком, кроме того, что прочитали в газетах или измыслили своим грязным умом.

Кей усмехнулся. Она попалась, она ступила своей стройной ногой в ловушку.

– Вы тоже ни черта не знаете о моих отношениях с Дарси. Вы устроили мне засаду и теперь с жаром читаете проповедь, словно я грешник, а вы достойная защитница библейских заповедей. Если я ошибаюсь насчет вас, то почему вы так легко, без суда и следствия, посылаете меня на виселицу?

Прежде чем она успела ответить, он отпустил ее плечо, сел в желтый «Линкольн» и завел мотор.

– Вы не только неверная жена, вы еще и фарисейка, – бросил Кей через открытое окно.

7

Лаура ехала куда глаза глядят. Ночь стояла ясная и теплая. Ветерок не охлаждал, а, наоборот, приносил тепло, излучаемое широкими пустынными просторами.

Техас.

«Техас не просто местность, – любил повторять Кларк. – Это особое состояние ума. Райский уголок, где живут ковбои».

Лаура впервые увидела Техас, когда полгода назад приняла завещанный ей подарок. Она привезла с собой представление о Техасе, созданное голливудскими фильмами: голая, продуваемая ветрами земля, однообразие которой нарушают лишь шары перекати-поля. Но это только западная часть штата.

Восточный Техас – зеленая страна. Темные стройные стволы сосен стоят ровными шеренгами, словно по линейке рассаженные самой природой. Весной густая зелень лесов оживляется нежными красками цветущих диких фруктовых деревьев. Стада коров пасутся на тучных лугах. Реки и ручьи, часто выходящие из берегов, питают полные рыбы озера.

И всюду простор, свобода, обширные земли, что техасцы принимают как должное, пока не попадают на густонаселенный северо-восток, который большинство из них считают рассадником алкоголизма, гомосексуализма и других пороков. Для техасцев янки – никчемные люди.

Уроженцы штата считали себя в первую очередь техасцами и только потом американцами. Кровь защитников Аламо текла в их жилах. Их прошлое изобиловало легендарными фигурами. Техасцы оставались добрыми прихожанами, при этом не переставая гордиться бандитами и злодеями, ставшими героями фольклора. Чем печальнее знаменита личность, тем больше ходило о ней легенд.

Если Лаура все еще не могла свыкнуться с психологией местных жителей, то она сразу полюбила их землю.

Местные дороги расходились от Иден-Пасс во все стороны, как спицы колеса. Отъехав от школы, она наобум выбрала одну из них и уже около часа ехала в неизвестном направлении. Давно остались позади пригороды, и, хотя Лаура не знала точно, где находится, она не боялась заблудиться.

Съехав на покрытую гравием обочину, она заглушила мотор. В наступившей тишине громко зазвучал нестройный хор цикад, кузнечиков и лягушек. Ветер шелестел листьями тополей, посаженных по краям неглубоких канав вдоль дороги.

Она положила руки на руль и опустила на них голову, ругая себя за то, что позволила Кею Такетту одержать победу.

Он точно определил ее поведение: Лаура бросала в людей камни безо всякой на то причины. Могло существовать множество смягчающих обстоятельств, дававших иную окраску самым, казалось бы, неприглядным поступкам. Не всегда можно сразу во всем разобраться. Многое могло изменить представление об истине и лжи, о невиновности и преступлении, о добре и зле. Уж ей-то это должно быть хорошо известно.

Гнетущие мысли не давали покоя, и она вышла из машины. Широкие луга простирались до самого горизонта по обеим сторонам дороги. Поблизости небольшое стадо устроилось на ночь под развесистым ореховым деревом. Несколько качалок над нефтяными скважинами рисовались темными подвижными силуэтами на фоне неба. Ритмично они опускали головы к земле и вновь поднимали их, словно вознося благодарственную молитву.

Наверное, эти скважины – собственность Такеттов.

С неделю не было дождя, и канава у обочины высохла. Лаура легко перебралась через нее и подошла к забору из колючей проволоки, окружавшему выгон. Стараясь не оцарапаться об

острые шипы, она прислонилась к неотесанному столбу ограды и запрокинула голову, созерцая море звезд и яркий полумесяц посередине.

Что ты здесь делаешь, Лаура?

Много раз она задавала себе этот вопрос. Она хотела приехать сюда, чтобы поставить Кларку свои условия разрешения конфликта. Лаура собиралась предъявить ему счет, котрый покрыл бы все ее потери.

Он умер до того, как она сумела осуществить свой план. Но Кларк не являлся важной частью плана. А вот Кей являлся.

Кей. Он ее презирал. Это, конечно, создавало дополнительные трудности. Однако препятствия не убавляли ее решимости. Опыт научил ее, что часто, прежде чем больной пойдет на поправку, он должен миновать кризис. Лаура была готова перенести любое испытание, пусть самое мучительное, чтобы покончить с преследовавшими ее призраками.

Только тогда она обретет душевное равновесие, разрушенное смертью дочери. Только тогда она позабудет прошлые несчастья и займется устройством своей жизни в Иден-Пасс или в каком-то другом месте.

Годы после смерти Эшли и возвращения из Монтесангре стали пустой тратой времени. Она не жила – она существовала. Страдая от одиночества, в отчаянии и с болью в сердце, Лаура проводила день за днем, ничем не связанная с окружающим миром. Работа, возможно, излечила бы ее от боли в сердце, но ей отказывали в работе. Она была прокаженной, предметом любопытства и насмешек. Она – шлюха Кларка Такетта.

Так ее назвал Кей. Шлюха! Джоди тоже считала ее шлюхой. Лаура прочла в глазах этой женщины нескрываемое презрение. Но она и не ожидала другого.

Ее заклеймили собственные родители. Их отношения с нею никогда не отличались особой теплотой, но после скандала испортились окончательно. Они никак не могли понять, почему дочь хочет работать врачом в таком богом забытом месте, как Иден-Пасс, особенно если учесть, что это родной город семьи Такетт.

– Им нужен доктор, – объяснила Лаура, когда они изумились ее решению.

– Доктора нужны повсюду, – настаивал отец. – Зачем ехать именно туда?

– Потому, дорогой, что из всех вариантов она всегда выбирает наихудший. – Мать говорила спокойно, но ледяным тоном. – Она это делает специально, чтобы нас разозлить.

Отец добавил:

– Нет ничего позорного в том, чтобы подчиняться обстоятельствам, Лаура. Я думал, ты хотя бы это усвоила после всего случившегося.

Они бы пришли в ужас, объяви она истинную цель своего переезда в Техас.

– Ты должна винить в своих трудностях только себя одну. Если бы ты с самого начала слушалась нас с матерью, ты бы не изуродовала себе жизнь.

Лаура могла бы напомнить, что именно они подтолкнули ее к браку с Рэндаллом Портером. Еще до личного знакомства с ним родители уже находились под впечатлением его заслуг и достоинств. Любезный, учтивый молодой человек, отличавшийся прекрасными манерами. Рэндалл свободно говорил на трех языках и занимал перспективную должность в госдепартаменте; последнее они особенно часто любили упоминать в разговоре с друзьями.

Родители и сейчас считали Рэндалла святым, потому что он не развелся с ней после того, как она покрыла себя позором. Интересно, изменилось бы что-нибудь, если бы они знали, как несчастлива была их дочь задолго до того, как Рэндалл познакомил ее с Кларком.

Расстроенная воспоминаниями, Лаура вернулась к машине и уже садилась в нее, когда услыхала шум над головой. Посмотрев в небо, она увидела самолет. Сначала он казался мигающей точкой вдали, потом снизился и стал приближаться. Он шел на опасно малой высоте, почти касаясь вершин деревьев на краю пастбища. Самолет был маленький, одномоторный.

Он пролетел низко, почти над самой землей, и пересек дорогу примерно в ста ярдах от машины. Лаура невольно задержала дыхание, когда самолет закачал крыльями на фоне далекого леса. Еще секунда, и он бы врезался в деревья, но тут его нос задрался к небу под большим углом, самолет круто пошел вверх, качнулся в сторону и постепенно выровнялся. Лаура следила за ним до тех пор, пока не исчезли его огни.

Что он искал здесь поздней ночью, этот пилот-трюкач?

– Безумец, – прошептала она, садясь в машину и поворачивая ключ зажигания.

Наверное, многие считали безумной и ее. Ведь она не только поселилась в Иден-Пасс, но еще и дразнила Такеттов, будто размахивая перед ними красной тряпкой. Но, когда человеку нечего терять, он способен на отчаянные поступки. Что могли Такетты ей сказать или сделать, что еще не сказано или не сделано?

Как только они выполнят ее требование, Лаура тут же оставит их в покое вместе с их городом. А пока ей все равно, что они о ней думают. Главное, преодолеть их нежелание даже разговаривать с ней. Но каким образом?

Джоди оставалась недоступной.

Кей злобный и язвительный, и Лаура не желала с ним встречаться, пока это не станет абсолютно необходимо.

Джейн Элен? Она почувствовала в сестре Кларка искру любопытства к себе. Может, играя на этом, Лаура сумеет проникнуть в семейную крепость Такеттов?

Этой возможностью следовало воспользоваться.

Джейн Элен была недовольна собой. Сегодня она планировала заняться оплатой счетов. Но, когда стала искать папку, где их держала, вспомнила, что оставила ее на складе. Она никогда ничего не забывала и теперь нещадно ругала себя за рассеянность.

Склад находился на расстоянии мили от конторы и размещался в неуклюжем кирпичном здании. По мере роста «Компании» к нему пристраивали дополнительные помещения, чтобы разместить все увеличивающееся количество оборудования и материалов. В субботу в здании никого не было. Джейн Элен поставила машину позади дома, рядом с дверью, ведущей прямо в небольшой офис.

Джейн Элен открыла дверь своим ключом и, стараясь не обращать внимания на застоявшийся запах табака, подошла к столу, где, как она помнила, оставила папку. Там она и лежала. Джейн Элен, взяв ее под мышку, совсем уж собралась уйти, когда услыхала какой-то шум за дверью, соединявшей комнату с гаражом. Она открыла дверь и уже хотела спросить «кто там?», но замолчала, привлеченная необычным зрелищем.

Огромные ворота гаража были закрыты, а так как в помещении было мало окон, в нем царил полумрак. Между двумя грузовиками «Компании Такетт» втиснулся пикап. Один из ее служащих грузил в пикап всякую всячину, хранившуюся на складе. Он сверял предметы со списком, который время от времени вынимал из нагрудного кармана рубашки. Заглянув в список последний раз, мужчина открыл ворота и влез в кабину пикапа.

Джейн Элен выскочила из своего укрытия и бросилась наперерез. Она встала прямо перед залепленным насекомыми радиатором машины, так что ворота оказались за ее спиной.

– Мисс Джейн Элен! – воскликнул человек, выходя из машины.

– Что вы делаете здесь в субботу утром, Мьюли?

Его лицо покраснело под загаром, он смущенно теребил козырек жокейской кепки со знаком «Нефтяной компании Такетт».

– Вы прекрасно знаете, мисс Джейн Элен, что у меня сегодня утром была ездка.

– После чего ваш рабочий день закончился.

– Я решил подготовиться к понедельнику, чтобы выехать пораньше. Заскочил сюда, чтобы кое-что собрать.

– Это при закрытых воротах и погашенных огнях? – Джейн Элен показала на пикап. – И почему вы, Мьюли, грузите оборудование не в наш грузовик, а в ваш собственный пикап? Уж не обворовываете ли вы «Компанию»?

– Да это же старье, мисс Джейн Элен, оно ни на что не годится!

– Поэтому вы решили им воспользоваться?

– Все равно пропадет.

– Но оборудование куплено на деньги «Нефтяной компании Такетт». Вы не имеете права им распоряжаться. – Джейн Элен собрала все свое мужество. – Немедленно выгрузите краденое из вашего пикапа.

Мьюли подчинился. Потом, сунув руки за пояс, воинственно произнес:

– Ну что, лишите меня следующей зарплаты?

– Нет, Мьюли. Я вас увольняю.

У Мьюли мгновенно переменилось настроение. Он вытащил руки из-за пояса, сжал их в кулаки и сделал два угрожающих шага вперед.

– Еще чего, черт побери, Джоди меня наняла, и она одна может меня уволить.

– Что она и сделает, уж поверьте мне, как только узнает, что вы ее обкрадывали. Только сначала она вас заставит уплатить за ворованное.

– Откуда вам знать, что она сделает. К тому же какие у вас доказательства? Я могу сказать, что договорился купить у вас оборудование.

Джейн Элен грустно покачала головой при виде такой наглости.

– Но ведь это неправда, Мьюли. Вы мне ничего не предлагали. Вы явились сюда тайком в субботу, зная, что здесь никого не будет, и нагрузили пикап ворованными вещами. Очень жаль, Мьюли, но это мое окончательное решение. Пятнадцатого числа вы получите зарплату в последний раз.

– Ах ты, богатенькая сука, – произнес он с издевкой. – Ладно, я уйду. Уйду, потому что твоя «Компания» сидит по шею в дерьме. Все знают, что Джоди скоро скапутится. Ты думаешь, что сможешь управлять вместо нее? – Он фыркнул. – Да тебя здесь никто всерьез не принимает. Ты что, не знаешь, что все над тобой смеются? Забавно смотреть, как ты тут потеешь потому, что больше нечем заняться. Например, побаловаться с мужиком. Мы даже пари держим, целка ты или нет. Могу побиться об заклад, что у тебя там все прочно запечатано. Да и кому нужна такая скелетина, которую тронь, она и рассыплется.

От грубых ругательств у Джейн Элен закружилась голова, зазвенело в ушах, а тело загорелось, как от укусов ядовитых муравьев. Непонятно как, но она не упала в обморок, а твердо произнесла:

– Если через десять секунд вы не уберетесь отсюда, я позвоню шерифу Бакстеру и вас арестуют.

Он презрительно щелкнул пальцами и сел в пикап. Завел мотор, изо всех сил нажал на газ и как ракета вылетел из гаража.

Джейн Элен бросилась к рукоятке на стене и быстро закрыла ворота, затем бегом вернулась в офис и заперла за собой дверь.

Она опустилась на стул, сгорбилась и обхватила себя руками. Да, она не уступила дюжему громиле, но теперь, когда все кончилось, она не могла унять дрожь и так и сидела, опустив голову и стуча зубами.

Если трезво все обдумать, то глупо было вступать в борьбу с Мьюли. Он мог ее ударить, даже убить, и на него никогда бы не упало подозрение. Все бы решили, что убийство совершил бродяга или вор, возможно, тот самый, что влез в дом к Уинстонам.

Она раскачивалась взад и вперед на старом скрипучем стуле. Что это на нее нашло? Как она осмелилась? Видно, есть в ней что-то такое, сработавшее в нужную минуту.

Ей понадобилось полчаса, чтобы прийти в себя. Только теперь она начала сознавать последствия своих необдуманных действий. Ее внезапное решение уволить Мьюли абсолютно правильно. Но теперь ей следует известить об этом Джоди. Она не сомневалась, что та одобрит ее шаг, но боялась рассказывать матери о происшествии. Может быть, лучше подождать, пока найдется замена. Но как ее найти? Нужен человек соответствующей квалификации и опыта. Мьюли был хорошим обходчиком.

Бови Кейто!

Она вдруг вспомнила это имя, и у нее забилось сердце. Джейн Элен часто о нем думала. Чаще, чем это представляется приличным, чаще, чем она решалась себе признаться. Она, как сейчас, видела его походку вразвалку и карие глаза, смотревшие на мир с грустным недоверием.

А что, если позвонить и спросить, не нужна ли ему работа?

Он, наверное, уже уехал из города.

К тому же надо потерять рассудок, чтобы брать на работу бывшего заключенного, уволив прежнего служащего за воровство.

У Джоди непременно случится припадок, поднимется давление. Если мать серьезно заболеет, что не исключено, то в этом будет виновата Джейн Элен.

Она нашла еще дюжину серьезных возражений, но кончила тем, что взяла телефонную книгу и отыскала номер бара «Под пальмой». Трубку сняли после первого звонка.

– Это… Я бы хотела… Простите, с кем я говорю? – Уверенность явно покинула ее.

– Что вы хотите?

– Это Джейн Элен Такетт. Мне хотелось бы поговорить…

– Его здесь нет.

– Простите, но…

– Вашего брата здесь нет. Он заходил сюда вчера после собрания. Пробыл с полчаса. Опрокинул подряд три двойных виски. Потом ушел. Сказал, что немного полетает. – Человек на другом конце провода рассмеялся. – Я, хоть убей, не сел бы с ним в самолет. С такой дозой в желудке, да еще с таким настроением.

– О господи, – ужаснулась Джейн Элен. Сегодня утром «бордельмобиль» не стоял на обычном месте. Она подумала, что Кей поднялся рано и уехал, ей и в голову не пришло, что он вообще не ночевал!

– Это Хэп Холлистер, мисс Джейн Элен, я хозяин бара. Если Кей появится, что ему передать? Чтобы он вам позвонил?

– Да, пожалуйста. Я о нем беспокоюсь.

– Не стоит, вы же знаете Кея. Он не пропадет.

– И все-таки пусть позвонит.

– Я ему обязательно передам. До свидания.

– Кстати, мистер Холлистер, – торопливо добавила Джейн Элен, – я звонила по другой причине.

– Да? – удивился он. – Что-нибудь случилось?

Джейн Элен вытерла о юбку потную ладонь.

– У вас еще работает Бови Кейто?

* * *

Лаура полола грядку с петуниями, когда синий универсал на большой скорости выскочил из-за угла, повернул в ворота дома и резко затормозил, разбрасывая гравий на въезде. Дверь водителя распахнулась, и из машины выскочил молодой мужчина в плавках и с широко открытыми от ужаса глазами.

– Доктор! Моя девочка… Господи, что же это такое… Она… у нее рука… Прошу вас, помогите!

Лаура соскочила с клумбы, как бегун со стартовой колодки. Она бросилась к машине с другой стороны, туда, где сидел пассажир, по пути срывая с рук садовые перчатки. Женщина билась в истерике. Она держала на коленях ребенка лет трех. Все вокруг было в крови.

– Что случилось? – Лаура осторожно отвела в сторону руку женщины. Кровь была ярко-красной, все говорило об артериальном кровотечении.

– Мы ехали на озеро, – всхлипывая, рассказывал мужчина. – Летти стояла на заднем сиденье и ехала, высунув руку из окна. Я не понял, когда поворачивал, что так близко… Телефонный столб… Господи, что же это такое…

Рука девочки была полуоторвана. Плечевой сустав торчал наружу. Кровь толчками вытекала из поврежденной артерии. Кожа посинела, дыхание было поверхностным и быстрым. Она ни на что не реагировала.

– У вас есть полотенце?

Мужчина выдернул полотенце из стопки купальных простыней на заднем сиденье и подал его Лауре. Лаура плотно прижала полотенце к ране.

– Держите его так, пока я не вернусь.

Мать девочки кивнула, продолжая рыдать.

Отцу Лаура сказала:

– Побыстрей освободите багажник.

Она бегом бросилась к дому. Собирая необходимые инструменты для вливания глюкозы, одновременно набирала номер «Воздушной скорой помощи» в больнице преподобной матери Фрэнсис в Тайлере.

– Говорит доктор Маллори из Иден-Пасс. Мне необходим вертолет. Пострадавшая – маленькая девочка. Она в шоковом состоянии, кожные покровы синюшные, отсутствие реакции, значительная потеря крови. Правая рука практически оторвана. Признаков повреждения головы, спины и шеи нет. Транспортабельна.

– Вы можете ее доставить на аэродром округа Даберт?

– Да.

– Оба наших вертолета только что вылетели по вызову. Мы попытается обратиться в Медицинский центр.

Лаура повесила трубку, схватила сумку первой помощи и выбежала наружу. В безумной спешке отец девочки освободил багажник универсала. У ворот в беспорядке валялись надувные матрацы, корзина с продуктами для пикника, упаковки прохладительных напитков, два термоса, сумка-холодильник и старое стеганое одеяло.

– Помогите мне перенести ребенка.

Вместе с отцом они подняли девочку с коленей матери и отнесли в багажник, положив на ковровое покрытие; Лаура влезла внутрь и устроила девочку поудобней. Мать последовала за Лаурой и, согнувшись, села с другой стороны.

– Дайте мне одеяло. – Отец подал Лауре одеяло, и та укрыла им ребенка, чтобы не допустить переохлаждения. – Едем на аэродром округа. Надеюсь, вы знаете, где это.

Он кивнул.

– Скоро туда прибудет вертолет, чтобы доставить девочку в Тайлер.

Захлопнув багажную дверь, отец девочки сел за руль, и они тронулись в путь. С тех пор, как машина подъехала к дому Лауры, прошло всего несколько минут.

Лаура сняла пропитанное кровью полотенце с плеча малышки и быстро заменила его четырьмя небольшими стерильными марлевыми салфетками. Она прикрыла ими рану и крепко забинтовала плечо с помощью эластичного бинта. Кровотечение, если его не остановить, могло оказаться роковым.

Затем начала искать вену на руке ребенка. Внезапно у девочки началась рвота, и мать в отчаянии вскрикнула. Лаура спокойно приказала:

– Поверните ей голову набок, иначе она захлебнется.

Дыхание оставалось прерывистым, неровным, так же как и пульс.

Пренебрегая опасностью, отец вел машину на огромной скорости, громко сигналя, проскакивая на красный свет, и при этом плакал и проклинал себя. Мать рыдала в голос, ее лицо стало мокрым от слез.

Лаурино сердце сжималось от жалости к ним. Она знала, что чувствует мать, когда ее ребенок истекает кровью и никто не в силах помочь.

Вена на руке еле прощупывалась, и Лаура быстро приняла другое решение. Она отбросила одеяло, прикрывавшее ноги ребенка, и, сделав крошечный разрез, вставила тонкий катетер и присоединила его к аппарату для внутривенного вливания. Действуя быстро и ловко, она скрепила разрез скобкой, чтобы держать катетер на месте. Мать с ужасом следила за ее движениями.

Капли пота стекали у Лауры со лба, и она вытирала лицо рукавом.

– Слава богу, – прошептала Лаура, увидев, что они уже на аэродроме.

– Где же вертолет? – закричал отец.

– Посигнальте.

Человек в замасленной спецовке быстро вышел из ангара и направился прямо к водителю.

Отец молча показал назад, механик заглянул внутрь и застыл.

– Вы доктор Маллори? – спросил он.

Лаура открыла багажную дверь и вылезла из машины.

– Вам звонили из больницы преподобной матери Фрэнсис?

– Один вертолет направлен в Лейк-Палестайн забрать больного с сердечным приступом, а другой оказывает помощь в аварии на автостраде № 20.

– Они известили Медицинский центр?

– Их вертолет занят в той же аварии. Там черт знает что творится. Сказали, что вызовут машину еще откуда-нибудь. Они всех обзванивают.

– Мы не можем ждать!

– Господи, моя девочка! – причитала мать. – Неужели она умрет? О господи!

Лаура взглянула на маленькое тельце, жизнь неумолимо покидала его. «Боже, помоги мне». Она закрыла лицо руками в перчатках, пахнущих свежей кровью. Сколько раз ее преследовал этот кошмар. Ребенок, истекающий кровью, умирает у нее на глазах. И она бессильна чем-нибудь помочь.

– Доктор! – Отец девочки схватил ее за руку и изо всех сил потряс. – Сделайте что-нибудь! Она умирает!

Лаура и без него это знала. Она также знала, что одной ей не справиться с таким тяжелым случаем. Какое-то время Лаура способна поддерживать жизненные функции организма, но, если девочке не будет немедленно оказана квалифицированная помощь, она лишится руки, а возможно, и жизни. Небольшая окружная больница не имела оборудования для подобных случаев. Сильный порез, перелом лучевой кости – с этим там могли справиться, но только не это. Везти ребенка туда – пустая трата драгоценного времени.

Лаура повернулась к застывшему на месте механику.

– Вы могли бы доставить нас в Тайлер? Это вопрос жизни и смерти.

– Я умею только чинить самолеты. А летать на них так и не научился. Но тут есть пилот, который может доставить вас туда.

– Где он?

– Вот там. – Механик показал пальцем на ангар. – Но он себя неважно чувствует.

– А самолет есть? А еще лучше вертолет?

– Здесь у нас недавно поселился один профессиональный игрок в гольф. Так вот, он держит на аэродроме свой вертолет. Очень приличный. Раза два в неделю летает на нем в Даллас играть в гольф. Он хороший парень. Думаю, он не обидится, если вы воспользуетесь вертолетом, тем более в таком экстренном случае.

– Прошу вас, торопитесь! – умоляла мать.

– Ваш пилот может управлять вертолетом?

– Может, только, я же вам говорю, он…

– Держите повыше капельницу, – напомнила Лаура матери. – А вы следите за дыханием, – обратилась она к отцу. Она рисковала, оставляя девочку, но боялась, что механику не хватит красноречия, чтобы обрисовать пилоту всю серьезность положения.

Лаура вбежала в ангар. Несколько самолетов в разной стадии ремонта стояли внутри. Кругом не было ни души.

– Эй, кто тут? *Отзовитесь*!

Она отворила дверь слева и оказалась в душной небольшой комнате. В углу стояла раскладушка. Человек спал на спине, издавая громкий храп.

Это был Кей Такетт.

8

Он благоухал, как целый пивной завод. Лаура наклонилась над ним и резко потрясла за плечо.

– Просыпайтесь! Мне надо, чтобы вы отвезли меня в Тайлер. Сейчас же!

Кей пробормотал что-то невнятное, оттолкнул ее и повернулся на бок.

Внутри древнего ржавого холодильника Лаура обнаружила несколько банок пива, кусок вонючего сыра, высохший апельсин и пластиковую канистру с водой. Взяв канистру за ручку, она отвинтила крышку и выплеснула все содержимое на голову Кею.

Он с ревом вскочил, сжав кулаки. Лицо перекосилось от гнева.

– *Какого черта*!.. – Увидев Лауру с канистрой в руке, он онемел и, не веря своим глазам, уставился на нее.

– Я хочу, чтобы вы доставили ребенка в больницу преподобной матери Фрэнсис. Правая рука девочки висит на ниточке, так же как и ее жизнь. У нас нет времени спорить или что-то объяснять. Вы можете долететь туда без авиакатастрофы?

– Я могу летать куда угодно и когда угодно. – Он наклонился за ботинками.

Лаура круто повернулась, вышла из комнаты и направилась к машине. Отец бросился ей навстречу.

– Вы его нашли?

– Он сейчас будет здесь.

Она не стала ничего объяснять. Лучше ему не знать, что пилот отсыпался после выпивки. Механик стоял возле вертолета, знаками показывая, что машина готова.

– Как ваше имя? – спросила Лаура молодого отца.

– Джек, Джек Леонард. Жену зовут Марион, а дочь Летти.

– Помогите мне перенести Летти.

Вдвоем они вытащили девочку из универсала и быстро понесли к вертолету. Марион шла рядом, держа в руках капельницу. Когда они подбежали к вертолету, Кей уже сидел в кабине. Он успел запустить мотор, и лопасти вращались. Все мысли четы Леонард занимала их дочь, и они не заметили, что у пилота не застегнута рубашка, а щеки покрыты трехдневной щетиной. Солнечные очки с зеркальными стеклами удачно скрывали покрасневшие глаза.

Как только они оказались на борту, Кей повернул голову и взглянул в сторону Лауры.

– Готовы?

Она угрюмо кивнула. Вертолет поднялся в воздух.

Шум мешал разговору, но им и не о чем было говорить. Джек и Марион сидели, прижавшись друг к другу; Лаура следила за кровяным давлением и пульсом девочки. Она надеялась, что Кей знает, как добраться до больницы. Он надел наушники, и она видела по движению его губ, что он что-то говорит в микрофон.

Такетт обернулся и крикнул ей:

– Я нашел их частоту и сейчас говорю с бригадой травматологов. Они просят сообщить основные физиологические данные.

– Кровяное давление пятьдесят на тридцать и продолжает падать. Пульс сто сорок, неровный. Попросите их предупредить хирурга-ангиолога и хирурга-ортопеда. Ей понадобятся оба. Я делаю вливание глюкозы.

– Вы ей дали антикоагулянт?

Лаура уже думала об этом и приняла противоположное решение.

– Она слишком мала. Кровотечение пока остановлено.

Кей передавал информацию, Лаура продолжала следить за давлением, дыханием и пульсом Летти. Она старалась быть предельно точной, что было весьма нелегко с таким крошечным, беспомощным и сильно пострадавшим пациентом.

Время от времени Марион протягивала руку, касалась волос или гладила щеку дочери, которая не приходила в сознание. Один раз она погладила пухлые ножки Летти. Этот жест вобрал в себя столько материнской любви, что у Лауры защемило сердце.

Под ними замелькали пригороды Тайлера, и Кей снова заговорил:

– Бригада травматологов уже наготове. Нам дали разрешение на срочную посадку.

Внезапно и без того слабое дыхание Летти прекратилось совсем. Лаура буквально впилась пальцами в шею ребенка, но не могла найти пульса.

Джек Леонард закричал в отчаянии:

– Что же это такое? Доктор! *Доктор*!

– У нее остановка сердца.

– Моя малышка! Боже мой, моя девочка! – выкрикивала почти в безумии Марион.

Лаура склонилась над девочкой и нажала ладонями чуть ниже грудины. Она несколько раз надавила, пытаясь возобновить биение сердца.

– Летти, прошу тебя, не сдавайся. Нам еще далеко, Кей?

– Я уже вижу здание больницы.

Лаура закрыла своим ртом нос и рот Летти и вдохнула в них воздух.

– Господи! – срывающимся голосом закричал Джек. – Она умерла!

– Летти! – пронзительно подхватила Марион. – О боже, пожалуйста! Нет, нет!

Лаура не слышала их громких криков. Все ее внимание сосредоточилось на маленьком тельце: она ритмично нажимала на узкую грудь, а затем вдыхала воздух в ноздри и рот, пытаясь вернуть девочку к жизни.

– Не умирай, Летти, не умирай, – горячо шептала она.

Когда Лаура почувствовала первое биение пульса, она вскрикнула от радости. Грудь Летти вздымалась и опускалась, но Лаура продолжала делать искусственное дыхание рот в рот. И хотя пульс оставался слабым, сердце билось все сильней.

– Мы вернули ее к жизни!

Кей посадил вертолет.

Бригада врачей бросилась к ним. Они приняли Летти, и теперь Лаура удерживала Марион, рвавшуюся вслед за дочерью. Девочку уложили на каталку и повезли в операционную.

– Я должна находиться с нею, – умоляла Марион, готовая бежать за удаляющейся каталкой.

Сестра решительно остановила ее:

– Сожалею, мэм, но вы должны оставаться в комнате ожидания. Девочка теперь в надежных руках.

Лаура понимающе кивнула сестре:

– Я позабочусь о ней. Благодарю вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.